

крис алдер

ЭКС-ПАТРИОТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Карьера. Любовь. Смысл жизни
Попробуй вернуть всё и сразу.
Забудь, кем был. Реши, кем станешь

18+

Kris Alder

Экс-патриот

«Автор»

2026

Alder K.

Экс-патриот / К. Alder — «Автор», 2026

Провал операции в Африке разрушает карьеру американского разведчика-нелегала. Его новой реальностью становится не шпионаж, а жестокий и иррациональный мир московского большого бизнеса с многомиллионными сделками, сложными отношениями и поиском смыслов в чужой среде. Этот роман-рефлексия сочетает психологическую драму, шпионский триллер и любовную линию. Он исследует экзистенциальный кризис человека, потерявшего жизненные ориентиры, — с искренностью и иронией.

Напряжение рождается не из погонь и перестрелок, а из медленного погружения в сознание героя, пытающегося собрать себя заново между двух миров. Это история о риске, предательстве, любви и о поиске себя после утраты идентичности. Книга обращена к зрелому, думающему читателю, ожидающему от литературы не только захватывающего сюжета, но и интеллектуальной глубины.

© Alder K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Kris Alder

Экс-патриот

Глава 1

—
1

Операция была провалена. Виной тому неосторожность агента, Морис – наш резидент по Северной Африке, не обеспечил прикрытия или что ещё. В отделе сначала должны были с этим разобраться. Но они прислали оперативную группу. Логика штабных всегда была для меня загадкой.

Планировалось всё сделать предельно скрытно. Но вдруг в плавающем от жары Мерса-Матрух материализовалась группа из пяти бодрых европеоидов. Все как на подбор спортивного телосложения. А на лицах одна мысль – где тут пострелять. Про конспирацию им похоже ничего не рассказывали, а они и не спрашивали.

Когда вечером в мой номер в отеле «Клеопатра» постучали – не как портье, тремя тихими короткими, а кулаком, как полицейский в наркопритон, – я понял: планы меняются. В нашей службе это называют «адаптивностью», у меня другое определение. Центр менял задачи по множеству причин, но чаще по глупости.

За свои тридцать шесть лет, из которых службе была отдана треть, я привык воспринимать экстрим, как норму. Но патологическая тяга штабных создавать проблемы на пустом месте продолжала бесить.

Я открыл не спрашивая – очевидно, что по делу. Из-за двери показалось добродушно улыбающееся лицо офицера из отдела безопасности. К лицу прилагался центнер мышечной массы, собранной в атлетическую фигуру под два метра. Я сразу его узнал – оперативный сотрудник с псевдонимом Вождь – мой контакт в нештатной ситуации. Открытое взаимодействие не подразумевалось. Но кто-то же его санкционировал. А оно поставило крест на моём нелегальном статусе.

– Привет, я Кайл, – он протянул мне руку.

– Ну а меня ты знаешь, – я ответил рукопожатием. – Заходи, чувствуй себя как дома. А где плакат?

Лицо Кайла окаменело.

– Какой плакат?

– «Операция спецслужбы. Просьба не мешать».

Кайл ослабился.

– Остряк... Тебе что-то не нравится?

– Да нет, всё в порядке. Ты уничтожил мою легенду. Тебя, видимо, для этого и прислали.

Ты один?

– Нас пятеро. Я старший. Всё по инструкции, – выдавил, не разжимая челюсти, Кайл.

– Не сомневаюсь. Проходи.

Я подтолкнул сзади и почувствовал, как напряглась его спина. Такая провокация – способ понять: кто кому в помощь. Кайл подчинился.

Мы вошли в холл моего номера. Я предложил ему выпить и присесть, но он отказался и от того, и от другого.

– Как долетели?

– Крис, а с чего ты решил, что мы прилетели?

– Заявился без предупреждения – значит по срочному делу. Фантазия у наших не в чести: ни парашюта, ни акваланга от них не дождешься.

– Ладно, оставим это.

Кайл подошёл к окну. Осмотрел оконную раму, провёл пальцами под подоконником. Брезгливо стряхнул пыль.

– Как скажешь, добрый юноша. Не трать время, тут чисто. С чем пришёл?

Он ещё пару секунд оглядывался по инерции, потом плюхнулся в кресло. Я остался стоять.

– Ситуация изменилась. Твой объект до места встречи вряд ли доберётся. А вот нас там будут встречать.

Внутри похолодело. Я присел у стены.

Три месяца работы – в помойку.

– Эта информация из Ливии или от нас? – Я поймал себя на мысли, что Египет для меня уже стал своим, «у нас». – ...В смысле из Египта.

– Я не знаю. Наверное, детали доведут до резидента.

– ...И почему ты говоришь «нас»?

– Моя задача – предложить тебе отменить выезд. Есть основания считать, что за тобой и объектом уже ведётся наружное наблюдение, чтобы накрыть в точке контакта. А если ты всё же решишь не тормозить, то моя группа должна обеспечить подхват и, если потребуется, огневую поддержку.

Штабные переложили ответственность на меня. Выбор оставили формальный: либо сворачивать операцию и хоронить карьеру, либо лезть в Ливию с силовым прикрытием и надеяться на удачу. Но группа уже здесь – значит, они хотят, чтобы я продолжил. Только непонятно, зачем это сделано с такой наглостью.

—

2

Поутру приехал Морис.

Четыреста километров от Каира он благоразумно проехал ночью – спасаясь от египетского солнца.

А ночью другая беда – туристические автобусы и трейлеры с засыпающими водителями. Такой отправит тебя на обочину и не заметит. Но это судьба: если она тебя хранит, то как-нибудь увернёшься. Как говорят арабы, иншалла.

Морис снял номер с видом на море, и ушёл коротко вздремнуть. Кайл и его парни провели ночь в баре, а теперь плескались в бассейне с какими-то девицами. Визг и хохот долетали до самых дальних закоулков отеля.

Меня всегда удивляла терпимость египтян к загулам приезжих. Деньги? Но не только.

Пока солнце не вошло в зенит, я вышел на берег встряхнуться. Песок – мягкий, как пух, – согревал ступни, бриз лохматил волосы. Даже подступающая жара не угнетала. Скинув майку и шорты, я пробежал наискосок по пенному краю и взрезался в набегающую волну.

Соль на губах успокоила кипящий мозг, а сотня метров кролем разогнала кровь и расслабила ком в желудке. Обида и сожаление ушли, уступив место холодному рассудку.

Итак, что мы имеем? Агент с ценной информацией – наживка на крючке. Ливийцы ждут нашей встречи, чтобы взять обоих. И в результате – большие неприятности. Моё увольнение с позором было бы меньшей из них.

Но у них не получится. Присланная оперативная группа позволяла переломить ситуацию. К жёстким играм мне не привыкать. Времени мало – будет больше импровизации.

Я просушил волосы и двинул навстречу солнцу. Бег помогал думать – ритм шагов выстраивал мысли, усталость отсекала лишнее.

Планировалось забрать агента в Ливии вблизи Эль-Джауфа, вернуться в Египет, и на самолёте в Судан. Морис разместил два внедорожника в первой контрольной точке «25х25», и привлёк пилота со своей «Цессной».

Теперь всё придется перекраивать. Агент уже в Эль-Джауфе, и если завтра до заката мы его не заберём, он вернётся домой, где его возьмет в оборот Мухабарат.

Я пробежал свои традиционные два километра и повернул назад. Солнце уже не слепило глаза, и далеко в небе заметил самолёт – маломерку местной авиалинии.

Наверное, так же нарезает небо Африки, путая следы непонятными маршрутами, наша «Цессна». Самолёт дает преимущество, как ферзь в шахматной партии. Но только если противник не знает о нём.

Скорее всего, утечка – не результат контригры Мухабарат, а следствие неосторожности агента. Тогда маршрут передвижения и наши ресурсы противнику неизвестны.

Но даже если им не понятен наш план, то передвижение в сторону границы Ливии будет как на ладони.

Как на ладони...

Тем лучше. Пусть считают, что всё идёт согласно их ожиданиям. Но заберём агента не по земле, а на «Цессне» – в районе Кюр Зувайях, по дороге к Эль-Увайнату – где сходятся границы Египта, Ливии и Судана.

Место там пустынное, открытое. Самолёт подойдёт низко со стороны солнца, на погрузку и взлёт – две минуты, следопыты приблизиться для захвата не успеют. Осталось проработать тактические детали.

Появился азарт и рабочий настрой.

Я приблизился к тому месту, с которого начал пробежку, и снова свело кишки. Вокруг места, где оставались мои вещи, виднелись следы метёлки. Видимо, кто-то любопытствовал, что я там положил, но хотел остаться незамеченным.

Теперь у меня уже не осталось сомнений – мы были под наблюдением. Предстояло понять, кто на хвосте – ливийцы или египтяне. Не останавливаясь, я подхватил полотенце и одежду, пробежав ещё немного, перешёл на шаг перед входом на гостиничную территорию.

— 3

Морис полулежал в кресле, ноги на подлокотнике. Бессонная ночь давала о себе знать: одутловатое лицо, взлохмаченные редкие волосы. Последние месяцы он почти не отдыхал – на нём держалась не только работа с местной агентурой, но и все ресурсы операции.

Его номер ещё не был проверен – мы вели диалог записками, сопровождая пустым трёпом. Я сообщил Морису об изменении плана и утренней слежке. Он обещал разобраться с новыми обстоятельствами, и остался в задумчивости.

Выйдя от Мориса, я заглянул в бассейн и в бар. Парни уже разбрелись, оставив хохотушек в одиночестве. Двоих оперативников я заметил уходящими в город. Они сошли бы за туристов, если не одевались, как близнецы – гавайские рубашки, шорты цвета хаки и шнурованные ботинки военного образца.

Кайла я нашёл в его номере. Он разделся ко сну и встретил меня в одних трусах. Его идеальное телосложение портил длинный шрам под левым плечом.

– Привет! – коротко бросил Кайл.

Он приложил палец к губам – прослушка.

Мы использовали бумагу и карты с маршрутом и контрольными точками. Но вслух мы обсуждали сексуальную и алкогольную невосдержанность его товарищей. Ещё я обещал ему ралли по пустыне от оазиса Сива.

Кайл бегло прочитал мои записи и отдал их мне, произнося:

– А что? Очень даже забавно. Думаю, и ребятам понравится. Когда выезжаем?

- Как стемнеет, чтобы не изжариться в машинах.
- Отлично! Тогда я предупрежу ребят, а потом в душ и спать.

—

4

Я тоже решил выспаться – когда получится в следующий раз, непонятно. Но лёжа на кровати, я всё ещё додумывал детали операции.

Мы выезжаем на двух машинах, за нами – машина прикрытия. В первой контрольной точке мы разделимся на две группы. Замены машин не будет, задействуем обе пары.

Задача прикрытия – пресечь наблюдение и не дать обнаружить разделение группы.

Первая группа уйдёт на сопредельную территорию отвлекать внимание. После вернутся в Сиву, дальше сразу в Каир и домой.

Моя группа поедет вдоль границы к Гильф-эль-Кебиру, в долину Вади-Сора – на вторую контрольную точку маршрута. Там, в районе Пещеры Пловцов, есть необорудованная площадка, пригодная для посадки «Цесны». Мы с оперативниками летим в район Кюр Зувайях, забираем агента и возвращаемся. Потом на машинах в Судан, на третью контрольную точку, и далее по старому плану. Лететь в Судан нельзя. После активной фазы эвакуации на нас начнется охота, а самолет будет на радарх.

Осталось сообщить агенту о новом месте встречи. У нас уже месяц не действовал прямой канал связи. Мы прекратили контакты, чтобы исключить риски в финальной части операции. Но в его машине установлен автонавигатор со спецсвязью. Сейчас это был единственный способ передать агенту координаты нового места встречи в надежде на то, что он включит приёмник.

Теперь, когда пазл сложился, можно засыпать.

Подготовка всегда выматывала до тошноты – пока все детали не продуманы, я лишился сна и аппетита.

Всё менялось во время операций. Зачастую шестое чувство заставляло отступить от плана, иногда радикально, и тогда я следовал своей интуиции. Пока такой подход не подводил.

—

5

Спал недолго, но восстановился. Дневной сон – привычка, приобретённая на Ближнем Востоке. Я северянин, но сиеста пришлась по вкусу. Поначалу шизел от того, как города вымирают в разгар дня. Но со временем привык ничего не планировать на середину дня.

Без малого шесть вечера. Первый визит я нанёс Морису, постучался и вошёл в его номер. Морис пребывал в полной боевой готовности и был похож на взведённую пружину.

Я умею отличать такого Мориса от повседневного. Каждый раз, начиная операцию в зоне его ответственности, я наблюдал Мориса в таком состоянии. С виду он оставался прежним, ну разве что более тщательно причёсанным и без какой-либо небрежности в одежде. В такие дни он не использовал парфюм, или мой нюх его не улавливал. Он начинал говорить короткими рубленными фразами, его голос становился тише, но в то же время звучал чётче. И практически ни разу он не давал свободу эмоциям, даже не улыбался. Мне казалось, что в такие моменты Морис становился памятником себе.

Этот монумент стоял у окна, пристально вглядываясь вдаль. Что он там мог увидеть, кроме домов и их теней до самого берега?

Наверное, в эти минуты Морис просчитывал расклады в игре, ставкой в которой были наши жизни. У него это получалось лучше, чем у меня. Но себе я доверял больше.

Я передал ему флэшку с сообщением руководству и устроился об инструкциях для агентов сопровождения, в частности о том, что в машине прикрытия должен быть мотоцикл. Неприятной новостью стало то, что слежку за мной вели ливийцы, а обстоятельства компрометации операции пока не были установлены.

Вслух мы обсуждали только легальную часть программы.

– Я расскажу о нашей поездке, а ты меня поправишь, если что не так. Мы выезжаем в 21:00 в Сиву. Ориентировочно по нулям мы там, в доме твоего приятеля. Кстати, как его зовут?.. – я вопросительно взглянул на Мориса.

– Абу-Джамаль Али ибн Ислам аль-Шарк. Вот контакты, – Морис протянул мне вдвое сложенный листок. – Имя мудрёное, но поскольку у него учёная степень по экономике, можете называть его просто доктор Али.

– Ночуем у него?

Морис кивнул.

– И рано утром, полагаю, часиков в пять, мы загружаем машины и выезжаем в пустыню. Кстати, ты обещал подготовить подробный маршрут.

– Пожалуйста, – Морис протянул мне бумажную карту. – В пустыне не стоит доверять свою жизнь электронике.

– Мы едем к Пещере Пловцов?

– Да, ты наверняка знаешь, что это одна из важнейших археологических находок в арабском мире. По дороге сможете делать привалы и посмотреть ряд других достопримечательностей. В общей сложности вам предстоит проехать более тысячи километров. На карте всё обозначено. А еще я отправлю с вами двух местных. Их рекомендовали как опытных сопровождающих. Уверен, после такой поездки твои приятели перестанут считать пустыню большой песочницей. И не выпучивай глаза, я это сам слышал от одного из них в баре.

– О да, пьют они много... Ладно. Провизию и горючее для нас подготовил твой друг. Медикаменты собрал я. Средства связи привезли ребята. Туда и обратно у нас займёт, наверное, двое суток. Вернёмся послезавтра.

– Окей! Но если захотите, сможете на обратном пути снова заехать в Сиву. У другого моего приятеля там ферма по разведению верблюдов. А ещё он, возможно, организует вам посещение островов и крепости Шали. Это, на мой вкус, интереснее, чем мотаться по пустыне.

– Чудесно. Я, пожалуй, пойду, навещу мальчиков. Их пора приводить в чувство.

– Удачи... В девять я спущусь вас проводить и познакомлю с шерпами.

—

6

Кайла я нашёл у бассейна. На этот раз вся его братия двухметровых качков была в полном составе и без девиц. Я не знал их имён – оперативники общались только по псевдонимам. Двое, как на тренировке, нарезали брассом от стенки до стенки.

Я подошёл к группе, когда из воды вылезал Андроид – бледнокожий и конопатый блондин с ледяным взглядом. Если б не тёмная радужка глаз, я посчитал бы его альбиносом. Кайл комком бросил в него полотенце, Андроид ловко поймал его одной рукой и ответил: «Спасибо, сэр!»

Следом на бортик поднялся Крыс – узколицый светло-русый и загорелый молодой парень с голубыми глазами. Он производил ошибочное впечатление тормоза, а в действительности у него была великолепная реакция. Он был самым улыбочивым в группе.

Группа расположилась полукругом на углу бассейна.

Сначала мне бросилась в глаза внешняя похожесть Штурмана и Крыса. А потом я заметил однотипность лиц и фигур Кайла и Шилю.

Все четверо были высокими и широкоплечими, с короткими стрижками. Двое – светло-волосые с голубыми глазами, а Кайл и Шилю – брюнеты с карими глазами, выглядевшие более брутально. Каждая пара этих ребят вполне могла представляться братьями.

А может, они ими и были?

У нас не принято задавать такие вопросы, особенно во время операции.

– Ну что, приступим? – в ответ раздалось нестройное мычание. – Тогда запоминайте.

Я обрисовал им маршрут передвижения до первой контрольной точки. На вопрос Шило про дальнейшие задачи ответил уклончиво: «Пока не определены».

– Как разбиваемся на машины?

– К тебе в машину сядут Штурман и Андроид. Остальные ко мне. Арабов пополам, – предложил Кайл.

Я кивнул.

– Все свободны до без четверти девять. Встречаемся в холле, с вещами. Номера оплачены... Кайл, пожалуйста, задержись ещё на минутку.

Ребята неспешно собрали свои вещи и пошли на выход. Кайл проводил их взглядом и обернулся ко мне.

– Есть проблемы?

– Почти угадал. Были. Теперь только сложности.

Мы вышли во дворик, и я продолжил:

– В первой точке мы разделимся. Ты и двое твоих – со мной. Остальные поедут в Ливию – отвлекать внимание. Через час бросят одну машину, а на второй вернуться в Египет. Пусть выглядит так, будто операция сорвалась. Оружие и спецсвязь им не давать.

Подумав, я добавил:

– У нас на хвосте ливийцы. Рано или поздно нам предстоит познакомиться. Поэтому двоих, что поедут с нами, отбирай очень тщательно. Позже к нам присоединится агент. За его жизнь ты отвечаешь лично. Этот приказ я после начала операции повторю перед твоей командой для того, чтобы не было никаких иллюзий относительно его серьёзности. Могут убить любого из нас. Ты можешь ликвидировать любого, и меня в том числе. Но агент должен быть доставлен в целости и сохранности. За это ты отвечаешь лично.

Всё это время Кайл слушал меня молча сдвинув брови. А когда я закончил, улыбнулся и отрезал:

– Есть, сэр!

—

7

В назначенное время все собрались у ресепшн. Крыс спал на диванчике, Штурман с глянцевым журналом облокотился на его плечо. Перелистывая страницы, он смешно шевелил губами, как будто общался с фотографиями. Остальные переговаривались у пальмы.

Подошёл Морис, парни поздоровались. Крыс приоткрыл правый глаз и тоже кивнул ему.

– Друзья мои, вам предстоит увлекательнейшая поездка, – с энтузиазмом объявил Морис.

– У входа вас ожидают два сопровождающих из местных: Асад и Шахир. Они братья. Английский знают не очень, зато пустыню, как свой двор.

Дальше следовало описание нашего якобы туристического маршрута в обрамлении исторического экскурса. Всё это Морис произнёс за пару минут, достаточно громко и отчётливо, как профессиональный экскурсовод.

– Прошу на выход! – пригласил Морис, после чего вопросительно взглянул на администратора – вопросы к постояльцам есть? Тот ответил вежливой улыбкой и покачал головой – нет.

Мы подошли к машинам, в них сидели братья – одинаково круглолицые и с коротко стриженными бородками они были одеты по-европейски. Я не запомнил тогда кто из них, кто. Увидев нас, они выскочили навстречу – готовые помочь. И пока метались вокруг нас были неразличимы. Кайл коротко распорядился сумками. Так же быстро по машинам распределились и оперативники, оставив мне заднее правое место во втором внедорожнике.

Я повернулся к Морису. Его лицо не выражало никаких чувств, но в застывших чертах угадывалось скрытое напряжение.

Именно в этот момент в меня вселилась невероятная тревога, ранее мне незнакомая. Мы пожали друг другу руки, как в схватке по армрестлингу. Эта давняя наша привычка, уж и не помню, когда появившаяся. Мы всегда так прощались перед делом.

Я почувствовал дрожь в руке Мориса, значит, и он, бесчувственный железный человек, был чем-то очень обеспокоен.

«Оптимистичное» получилось прощание, хорошо, что он хотя бы улыбнулся мне напоследок. Именно таким я и запомнил Мориса.

Пара обшарпанных машин с водителями-арабами и пассажирами-аджнаби отъехала от отеля.

Ничего необычного.

Только с парковки вслед за нами устремились ещё три машины. Причём среди них нет машины прикрытия.

Скучать нам не дадут.

Штурман сидел на переднем пассажирском сиденье моей машины. Я не заметил, как и когда, но он перенастроил правое зеркало, и теперь ему было видно всё происходящее сзади. Пол-оборота ко мне и вопросительный взгляд, но я никак не мог прокомментировать происходящее, только пожал плечами. Шахир же, судя по всему, ничего не заподозрил и продолжил вести машину, используя левую руку одновременно и как поворотник, и как жезл регулировщика.

Мы выехали по двадцать шестому шоссе на окраину – улицы здесь почти не освещались. Асад заметно прибавил скорость, но Шахир крепко сидел у него на хвосте. Должно быть, для братьев парная езда – привычное занятие.

Штурман внешне расслаблен, но по повороту его головы я догадался, что он непрерывно смотрит в зеркало и следит за обстановкой. А Андроид, похоже, уснул.

Мы пересекли развязку с международным береговым шоссе и железную дорогу, взгляду открылся бескрайний простор пустыни под звёздным небом. Сразу пропало ощущение скорости и времени.

Я не веду наблюдение, моя игра начнётся завтра с размена машин. Хлопаю Штурмана по плечу: «Буду спать, если что – разбуди». Он кивает, и я отключаюсь.

Сработал вибровозвонк, я его ставил на 23:00. По моим расчётам, минут через пятнадцать-двадцать мы должны въехать в Сиву. В машине молчали.

Штурман, услышав звонок, обернулся ко мне:

– Уже скоро. Меньше получаса осталось.

Я благодарно улыбнулся, размял шею, потянулся... Сухость и резь в глазах мешали рассмотреть дорогу. Но через несколько минут я уже начал различать вдали огоньки поселений.

Ферма доктора Али находилась на окраине Сивы. Проехав местный аэропорт, не доезжая до городской черты, мы свернули на шоссе в сторону оазиса Бахария и через несколько минут уже стучались в дверь доктора.

Нас встретил высокий смуглолицый мужчина – без египетской полноты, сдержанный, явно не местный. Возможно, сириец или курд. Знакомство не заняло много времени. Доктор Али задал короткие вопросы: мыться, ужинать, спать?

Получив отрицательные ответы на первые два, а на третий – «немедля», – он не стал дальше демонстрировать восточное гостеприимство, а проводил в дальний конец дома, где нас ждали две совмещённые комнаты с уже подготовленными кроватями. Хозяин дома показал нам наши апартаменты и увёл Асада с Шахиром дальше.

За всё это время я не заметил ни одного человека из прислуги. Видимо, и об этом позаботился доктор Али, желая избежать лишнего внимания.

Все быстро улеглись, только я ещё копался со связью, а Крыс наносил грим и экипировался для патрулирования в арабское одеяние. Поверх термокостюма он накинул джалабею¹, а на голову – ихрам с игалем².

Передав распоряжения прикрытию и получив от них подтверждение, я тоже лёг и тут же отключился. Сон был недолгий и беспокойный. Периодически приходили сообщения от охранения – заметили слежку. Через два часа в карауле Крыса сменил Штурман.

Под утро всё успокоилось, но уже было пора вставать.

8

Подъём был назначен на половину пятого. В пять утра после непродолжительного умывания и туалета все собрались во дворе возле машин.

С доктором Али мы попрощались в доме, и на улицу он не вышел. Вводную давал Кайл. Команда всё понимала с полуслова – слаженность, доведенная до автоматизма в боевых операциях. Очевидно, это задание для них далеко не первое.

Прикрытие ушло вперёд полутора часами ранее. Им предстояло подготовить сюрприз следопытам.

Андроид и Шило сменили арабских водителей. Они потолкались, создавая иллюзию соревнования, затем наша машина вырвалась вперёд. Шило плотно сел нам на хвост.

На развязке с лёгким заносом на вираже влево мы ушли в сторону Сивы. Ненадолго появился задний обзор, и я начал пристально вглядываться, пытаюсь обнаружить слежку. Мне удалось разглядеть одну машину на значительном удалении. Значит, они будут избегать визуального контакта. Что ж, так даже лучше.

Въехав в Сиву, парни резко сбросили скорость, и наша колонна поплелась к югу по спящим улицам этого старого города.

Справа осталась старая крепость, смахивающая на замок из песка, выскобленный ветром. Дома из песчаника неопределяемого возраста, пальмы, национальная атрибутика... Всё это перемежалось немногочисленными современными постройками. Как железный зуб в этом ряду торчала заправка какого-то местного «Ойла».

Мы разбудили заправщика. Он залил полные баки и назвал цену с чаевыми. Несколько минут и мы уже на южной окраине.

Прощай, цивилизация, здравствуй, пустыня.

9

Асфальт сменился песком, а ориентиром дороги стали только следы колёс.

Штурман связался по рации со второй машиной:

– Вождь, через километр заканчивается плато, и мы съезжаем на рыхлый песочек. Предлагаю остановиться и сделать старт заезда.

– Принято, – откликнулся Кайл.

Мы вышли из машин, размялись. Шило и Андроид снизили давление в шинах для езды по песку. Кайл ещё раз обсудил с оперативниками маршрут, контрольные точки и связь, затем отозвал в сторону Шило и объяснил его задачи в Ливии.

Я тем временем болтал с братьями о погоде. Ещё не задул хамсин³, а жара была терпима. По разговору я почувствовал, что Асад старше и разумнее, но хитрее Шахир – он и верховодит.

Все вернулись к машинам, но я попросил Кайла задержаться.

¹ Джалабея – белая рубашка до пола.

² Ихрам с игалем – платок, опоясанный жгутом.

³ Хамсин – сильный ветер, непрерывно, почти два месяца несущий песок из пустыни.

– Вождь, когда группа прикрытия отработает по слежке, она нам больше не понадобится. Но их машину я хочу забрать.

– А как они доберутся, пешком, что ли? И чем тебя не устраивают эти? – он махнул рукой в сторону наших машин.

– У них есть мотоцикл. А вторую группу я сразу отправлю в Ливию на этих машинах. Им лучше не видеть, на чём мы поедем дальше.

Он кивнул и уточнил дальнейшие действия:

– Мы будем на второй позиции. Нас будут отслеживать визуально. Вы уйдёте в сторону, пропустите нас и дождетесь ликвидации хвоста. Если что – добивать вам, мы не успеем. Машину заберём и разделимся раньше. Ты прав.

– Сейчас без четверти шесть, не позднее одиннадцати мы должны быть в первой контрольной точке. Поехали!

—

10

На предельной скорости мы гнали вдоль границы с Ливией, то по песку, то по каменистым плато. Через час такой езды тело ныло от тряски.

Каждые четверть часа Штурман связывался с Кайлом. Их пустая болтовня служила только одной цели – подтверждению канала связи. Меня сморило – то ли от их трёпа, то ли от духоты. Проснулся от резкого броска и ругани Андроида. Шахир тоже произнёс несколько слов, больше похожих на молитву. На часах было без пятнадцати восемь. Первый этап вступал в решающую фазу.

Впереди слева обозначился подходящий бархан – удобное место для того, чтобы уйти в сторону с маршрута. Не доезжая до него, мы остановились. Шахир вытащил из багажника сетчатый трал, пристегнул его к фаркопу, и наша машина на малой скорости, заматавая свой след, двинулась за обратную сторону холма.

Наблюдателем остался я. Накрывшись маскировочной накидкой, прильнул к биноклю, предварительно убедившись, что его стёкла не бликуют.

Штурман вышел на связь, обозначив нашу готовность пропустить караван. Ждали недолго, спустя пару минут стало слышно двигатель «Крузера» Кайла. В одно мгновение он пролетел мимо нас, оставляя пыльный шлейф.

На расстоянии прямой видимости за ним прошла пара внедорожников слежки. Мы выждали четверть часа и устремились им вслед. Через десяток километров парни из прикрытия организовали засаду, и Кайл повёл слежку прямо к ней.

Сначала были слышны взрывы, а затем короткие автоматные очереди. К тому времени, как мы подъехали, всё уже было кончено. Два араба сурового вида стояли у своей машины, а посреди узкой ложбины дымились джипы слежки, превращенные в металлический хлам.

Одна машина на крыше со следами подрыва на mine. Вторую разворотили из гранатомёта. В воздухе – запах горелой плоти. Одно тело, добитого из автомата, лежало на большом удалении от центра событий. Как он выжил после взрывов – непонятно.

Погибшие были в гражданском, но оборудование машин и оружие говорили об их целях.

Разговор был недолгим. Парни из прикрытия под пристальным взглядом Шахира отдали ключи от своего старого джипа Штурману, предварительно выгрузив мотоцикл и две лопаты. Им ещё предстояло замаскировать следы своей атаки. Штурман недолго поковырялся в новом имуществе и махнул нам рукой в знак готовности, мы двинулись дальше. Через пару километров нас ждал Кайл с товарищами.

—

11

До первой контрольной точки оставалось не больше пяти километров, когда я дал команду остановиться. Пришло время разделить, чтобы ливийская группа не знала, на каких машинах поедет мы. Меньшая осведомлённость – для всех лучше.

Кайл разделил свою команду: «Крузер» и «Сафари» отходили ливийской группе – Шило и Штурману, а нам следовало грузиться в джип.

Шахир выглядел встревоженным и категорически отказывался ехать в Ливию. После горячего спора с братом Асад занял его место. Я не стал возражать – нам он был нужен только в качестве переводчика и сменного водителя. Асад хотел уберечь брата, но, как оказалось, зря.

Парни Кайла обнялись, пожелав друг другу удачи. Я взглянул в их лица, но и в этот момент не увидел беспокойства или напряжения. Вторая группа отправилась через границу Ливии в сторону Эль-Джауфа, отвлекая внимание и путая слежку. По соображениям секретности мы не сообщали им наши дальнейшие действия.

Через четверть часа мы добрались до первой контрольной точки «25х25» и расконсервировали машины Мориса. Они были практически копией предыдущих, и с такими же номерными знаками – профессиональный юмор Мориса. Это поддерживало легенду, что туристы продолжают свой маршрут. На часах была половина одиннадцатого. Мы опережали график.

—
12

Воздушная часть маршрута – наиболее рискованная. Морис дал мне досье нескольких пилотов-наёмников. Я выбрал Джека – профессионального и рассудительного. Расчет был на его опыт в горячих точках.

Кайл наладил спецсвязь с «Цессной».

Пилот ответил незамедлительно, но, выслушав, не перебивая, новый план, надолго замолчал. Мне оставалось только предполагать, насколько он был обескуражен.

Ливийское небо контролировалось русскими системами – старыми, но надежными. Дыры были только на юге, в горах. Войти можно, но над равниной тебя все равно засекут.

Мне пришла шальная мысль – замаскироваться под автомобиль, и я поделился ею с Джеком. Он должен был вести «Цессну» на предельно малой скорости и высоте, чтобы радары воспринимали его как автомобиль.

Справится ли он?

Поставленная задача не могла напугать Джека своей сложностью. Ему уже доводилось нелегально летать в Ливию. Но интересантами тех визитов были влиятельные люди, и не было угрозы со стороны ливийских спецслужб. В этот раз не стоило рассчитывать на безразличное отношение к его прилёту.

Самолёт был беззащитен в этой операции. А он – единственное, что было дорого сердцу Джека.

Чувство безысходности звучало в его словах:

– И чего вы не едете туда на машинах, как было запланировано? Лучше бы я сам поехал, нежели гробить самолёт!

Джек опять замолчал. У него не было выбора. Но я не хотел на него давить. Опасность была слишком велика, и Джек должен был принять решение добровольно.

У нас оставалось совсем мало времени. Молчание затянулось...

Я решил его прервать:

– У нас нет хорошего решения, капитан, только это или сдаться. Если ты откажешься, мы возвращаемся домой. Но я надеюсь на твой опыт и везение, а главное – на твою смелость.

– Есть, сэр, приступаю к выполнению, – ответил мне Джек.

Я отключил связь.

—
13

Наш агент Назир выехал из Адждабии позавчера рано утром. За пять часов он доехал до Джалу, перекусил там и уже в ночи был в Эль-Джауфе.

Официальной причиной поездки была инспекция сельскохозяйственной службы. Главный агроном – его старый приятель – Мустафа Аль-Фаради поселил Назира у себя дома.

Проснувшись, Назир чувствовал себя разбитым. Возраст давал о себе знать после долгой поездки. Но нервное напряжение, не покидавшее его в последнее время, спало. Пришла уверенность в благополучном завершении намеченного.

День был посвящен обычной инспекторской поездке. Почти ритуальные действия – много бумаг, посещение объектов, беседы со специалистами...

Работа была закончена, когда солнце вошло в зенит.

Вечером планировалось встретиться за ужином с главой муниципалитета Куфры. Ничего не значащая встреча, на которой местный чиновник будет сверяться с веяниями власти, но всё будет обставлено как проявление гостеприимства.

Уже стемнело, когда два немолодых человека вышли из дома и неспешным шагом направились в центральную часть города. За ними на значительном удалении следовали пара неприметных парней. То один, то другой иногда терялся в сумерках, но Назир ещё в середине пути срисовал эту парочку и дальше уже не выпускал их из виду.

Он задумался. Успокаивал себя тем, что эта слежка (а что слежка – он не сомневался) вызвана нежеланием местных властей рисковать своей репутацией из-за случайных неприятностей.

Ужин запланировали на девять вечера в ресторане «Касабланка», недалеко от мечети Шура. Друзья подошли в начале десятого и практически в дверях встретились с чиновником. Обменявшись пышными приветствиями, вошли в заведение и прошли в отдельный кабинет.

К концу ужина разговор неожиданно сменил тему.

Разливая горячий крепкий чай с мятой по исфахани тонкого стекла, чиновник сообщил:

– Я слышал, что правительство хочет восстановить гражданскую часть аэропорта. Вам что-нибудь известно об этом?

Назир порылся в памяти, но ничего подобного вспомнить не смог.

– Не думаю, что я компетентен в этой области, знаю только, что наш лидер уделяет много внимания развитию провинций. Аэропорт Куфра построен итальянцами в начале прошлого века и назывался Бума?

– Ты, как всегда, точен, мой друг, – вставил слово Мустафа. – До 2004 года сюда летали Ливийские авиалинии. А в 2008-м здесь сел угнанный суданский «Боинг» – египтяне не пустили.

– Что стало с угонщиками? – спросил Назир.

– Думаю, они пополнили ряды заключённых нашей тюрьмы, – ответил глава.

– Возможно, я что-то путаю, но в вашем городе нет тюрьмы.

– Есть, и вполне вместительная. Используют для нелегальных беженцев из Судана, Эфиопии, Чада. Секретная, официально не существует.

Мустафа и чиновник продолжили обсуждать случай с угоном самолёта, а Назир задумался о судьбах нелегальных мигрантов. Десятки тысяч несчастных людей, лишённых элементарных благ и удобств, в попытке хотя бы сохранить жизнь устремляются в неизвестность. На всём пути их подстерегают опасности, но и потом жизнь не превращается в рай. Они попадают в современное рабство, но более сытое, чем их прошлая жизнь.

А что предстоит ему самому?

По условиям сделки, завтра его жену и сына должны забрать во время их поездки в Египет, это будет началом операции по его эвакуации в районе круговых орошаемых полей. Он участвовал в их создании в молодости, там начиналась его карьера.

«Где всё началось, там всё и закончится».

Из размышлений его вывел вопрос чиновника:

– Какие у вас планы на завтра?

– Я ещё должен проинспектировать центральную оросительную систему круговых сельскохозяйственных проектов вашего оазиса. А потом поеду домой.

– Если я смогу быть вам чем-то полезен, обязательно сообщите. Либо сами, либо через уважаемого Мустафу Аль-Фаради. Я буду бесконечно этому рад.

Дружески расставшись с главой муниципалитета у дверей ресторана, Назир и Мустафа отправились домой.

Наутро Мустафа предложил помощь, но Назир отказался – рутина, справится сам.

Друзья крепко обнялись на пороге перед расставанием.

Назир проехал пару кварталов и выбрался на улицу Сусси в сторону восточной окраины Эль-Джауфа. На круговой развязке он планировал повернуть в сторону мечети Омар ибн аль-Хаттаб, а дальше, обогнув с севера аэродромную территорию, добраться до своей цели – администрации угодий. Все эти места ему были хорошо знакомы, но он машинально включил навигатор.

Нельзя сказать, что неожиданное сообщение об изменении точки встречи его напугало, но осознание того, что он мог его не получить, – точно. Теперь ему предстояло отправиться на юг и в три часа пополудни ждать встречи. Он понимал, что всё это как-то связано со вчерашней слежкой.

А кто сказал, что её нет сегодня?

И как они отреагируют на его метания? Но время встречи подразумевало возможность не менять официальную цель поездки. Дорога за аэродромом хорошо просматривалась – можно засечь наблюдение.

Уже после посещения администрации Назир по объездной дороге уехал на юг. Дорога в пустыне вела в сторону Чада. На удалении сотни километров от Эль-Джауфа он начал пристально вглядываться в зеркало заднего вида, но ничего, кроме пыльного следа, разглядеть не смог. Достигнув отмеченной навигатором развилки, он повернул влево, в сторону египетской границы. На этом участке еле обозначенной дороги в районе Кюр Зувайях он должен был бросить машину, уйти в сторону от дороги и ждать нашего прилёта.

—

14

Пещера Пловцов – магнит для туристов. Мне довелось тут коснуться пальцев своих прародителей через созданные ими рисунки. Но не в этот раз.

Пещера находится в долине высохшей реки Сора, у подножия каменистого плато Гильф-эль-Кебир. Рядом – небольшая площадка, пригодная для малой авиации. Это в нашем маршруте вторая контрольная точка. От первой мы добрались сюда быстрее намеченного графика.

Джек уже был на подлёте, а до встречи с агентом оставалось более трёх часов.

Крыс и Андроид порывались сбегать в Пещеру Пловцов, но Вождь сказал твёрдое нет и добавил:

– Купите на «Амазоне» сувенирку и рассказывайте, что были там.

«Цессна» подлетела низко с юго-запада, из-за солнца я сначала услышал её и только потом увидел. Джек сделал круг, рассмотрел площадку, и на втором заходе, после резкого снижения, мягко подкатил машину к месту, где мы его ждали.

На охране площадки остались Крыс и Шахир, а мы с Кайлом и Андроидом погрузились на борт.

Правое кресло было захламлено – Джек летал без второго пилота. Но он разрешил мне убрать этот бардак в мешок и занять место пилота со словами:

– Только ничего не трогай, иначе руки оторву.

Джек перевел двигатели во взлетный режим и меня вдавило в спинку. Пристегиваться не стал, мешало обзору.

Полет занял чуть более часа. По прямой была сотня километров, но Джеку приходилось обходить горы, чтобы остаться незамеченным для радаров и зайти на посадку с юго-востока.

Под нами был отчетливо виден песчаный позёмок, казалось, вот-вот он ударит в остекление фонаря кабины пилотов. Высота полёта была всего лишь несколько десятков метров, и Джек постоянно работал штурвалом. К концу полёта он был весь мокрый. Машина хорошо откликалась на его команды, поэтому нас сильно трясло.

Я взял у Кайла бинокль и стал вглядываться в сторону предполагаемого места встречи. Когда разглядел машину агента, дал Джеку ориентир и команду на посадку. Кайл подал сигнал Андроиду – приготовиться. Я тоже снял с предохранителя короткоствольный «Пара», который мне утром выдал Кайл, и взвёл затвор.

Садись с первого захода, отчетливо осознавая риск поймать камень. Как только самолёт коснулся земли, Джек мягко включил реверс, не задействуя тормоза. Через мгновение скорость упала до минимума, и он развернул машину на обратный курс, не глуша двигатели.

Я и Кайл выпрыгнули из кабины и побежали к стоящей невдалеке машине. У самолётной двери присел Андроид, поворачиваясь в разные стороны, контролируя периметр. Из-за бугра поднялся и пошёл нам навстречу агент. Узнав меня, он ускорил шаг. Я подхватил его под руку и поволок к самолёту, Кайл спиной вперёд двигался за нами. Я с разбега закинул агента в кабину и запрыгнул сам, за мной Кайл. Джек включил форсаж, а Андроид загрузился уже на ходу. Отрыв шасси произошёл одновременно с закрытием двери. Уходили коротким путём, через хребет, с резким набором высоты.

Вся операция на сопредельной территории заняла меньше двух часов, но когда садились, солнце уже клонилось к закату. На подлёте к месту посадки на борт пришло сообщение для Кайла – вторая группа благополучно эвакуировалась.

Джек сделал круг, осмотрелся и посадил борт практически по своим же следам. Мотор не глушил и в этот раз. Мы четвером быстро выгрузились, я махнул: «Улетай!».

Набрав небольшую высоту, Джек, прощаясь, помахал крыльями. Его «Цессна» уходила так же низко, как и прилетела в первый раз.

Назир невдалеке присел на камень. Кайл и Андроид закинули стволы за спину и расслабили ремешки бронежилетов. Вдруг дошло: самое рискованное уже позади, осталась рутина. Меня отпустило.

К нам подошли Крыс и Шахир. Крыс интересовался у Кайла деталями, как всё прошло.

А Шахир спросил меня:

– Сэр, а кто этот человек, которого вы привезли?

– Этого человека мы защищаем.

– Зачем?

– Он помогает нам, мы – ему.

– Он отдал вам секреты Ливии?

– В некотором смысле да. Они у него в голове.

Я несколько искажил действительность. Назир на прошлой неделе отправил информацию через закладку нашего нелегала в Ливии, а его самого и его семью мы эвакуировали, обеспечивая их безопасность.

Шахир отошёл в сторону, а спустя пару минут я увидел, как он беседует с Назиром. Я не мог понять, о чем они говорят – между нами стояли оперативники.

Пистолет тёр спину, я достал его и оттянул затвор, проверяя патрон в стволе.

Кайл на звук повернул голову в мою сторону:

– Нам пора в путь. Агента я забираю в свою машину, или тебе нужно что-то с ним обсудить по дороге?

Я не успел ответить. Следующие три секунды перевернули мою судьбу и будут вспоминаться, как в замедленном кино, всю оставшуюся жизнь. Шахир выхватил из складок одежды маленький пистолет и выстрелил в голову Назира. Голова откинулась назад, и тело повалилось на спину, но ещё до того, как оно коснулось земли, Шахир повернул ствол в сторону Кайла. Тут же раздался второй выстрел. Мой. Свинец порвал щеку Шахира, и он потерял координацию, а его пуля не нашла цель.

Что произошло дальше, я толком не помню. Всё было как в тумане. В ушах звенело.

Глава 2

—
15

Возвращение домой было психологически мучительным, но недолгим. Рано утром по прилёту меня сопроводили в службу, где сняли первичные показания, взяли подписку о невыезде из страны и зафиксировали предполагаемые места пребывания. Я сдал все имеющиеся у меня документы и пропуск, после чего был отпущен домой.

Эмма – моя жена, была на работе. Я приготовил поесть и, пытаясь преодолеть джетлаг⁴, не раздеваясь, завалился спать.

Мне снилась бесконечность пустыни. Голые ступни вязли в горячем песке. Раскалённый шар солнца плавил очертания дюн. Воздух выжигал ноздри.

Лёгкий ветер неожиданно замер, повисла тишина. Я обернулся.

Стеной накатывал хамсин, закрывая небо. Песок слепил глаза, забивал уши. От него невозможно спрятаться, он был везде. Мне казалось, что и сам я превращаюсь в песок, в создаваемый им хаос.

Незнакомые лица мелькали в неожиданных, незапоминающихся обстоятельствах. Всё это создавало ощущение тревоги и предвещало неизбежную гибель.

И вдруг – хамсин ушёл так же быстро, как и появился. Оставив после себя оглушительную тишину.

Я лежал спиной на песке под бездонным голубым небом, и у меня было ощущение, будто я парю, словно птица. А внутри меня повисла пустота. Но не та, что была раньше. Теперь она была лёгкая. Как будто ветер выдул всё лишнее, оставив только самое важное, что я не мог назвать.

Когда я проснулся, уже темнело. Болела голова. Не было сил что-либо делать. Чтобы отвлечься, я решил проверить систему безопасности дома. Я её собственноручно собрал между командировками, скорее для проверки собственных навыков, а не для реальной цели. Но чтобы не получить обвинение в паранойе, никому о ней не говорил, даже Эмме.

Система сработала без сбоев. Видео записалось со всех камер – качественно и без пробелов.

Ничего отключать я не стал, предстоял непростой период моих отношений со службой. Если они попытаются установить наблюдение, лучше мне об этом узнать незамедлительно.

Для того чтобы отвлечься от тягостных мыслей, я решил посмотреть записанное видео в ускоренном режиме. За время моего отсутствия ничего особенного не случилось.

Эмма с работы приходила поздно, принимала душ и ложилась спать. Утром наспех завтракала, и то не всегда. Часто уходя на работу, оставляла недопитый кофе. Так изо дня в день. Только на выходных она отсыпалась, читала и смотрела фильмы, иногда уходила днём, но ночевала всегда дома.

Я уже хотел выключить просмотр и очистить диск, но вспомнил, что пропустил её день рождения, а она отмечала его дома. Нашёл и включил тот вечер. Эмма – мисс очарование была в центре внимания. Улыбка не сходила с её лица, обнажая искреннюю радость. Шелковое платье подчеркивало стройность ее фигуры и сексуальность движений. Грустно наблюдать это веселье – и знать, что причина моего отсутствия оказалась никчёмной.

Закончился вечер, постепенно разошлись гости. Эмма убрала со стола...

Звонок в дверь, она открыла – это вернулся её коллега с работы.

⁴ Джетлаг – состояние, возникающее при быстрой смене часовых поясов из-за длительных перелётов, когда внутренние биологические часы организма не успевают синхронизироваться с новым местным временем.

Как его зовут?

Он что-то забыл?

Эмма обхватила его за шею, он её за талию. Они слились в долгом поцелуе.

У меня потемнело в глазах!

Я остановил видео, мне нужно было прийти в себя. Выпив полстакана виски, я снова включил видео.

Невыносимо видеть, как трахают твою жену в твоей же постели. Он вгонял ей сильными ритмичными толчками. Она обхватила его ногами, а чувственными пальцами ласкала его спину. И не было ни малейшего сомнения – это обоюдное животное влечение.

От негодования кровь прилила в голову, в ушах звенело. Тянуло блевать и одновременно... всё это возбуждало. Грязное, унижительное, необъяснимое чувство. Я ненавидел себя за него. Но не мог отвести глаз.

Они кончили одновременно. Дежурно поцеловались и расползлись как чужие. Она узнаваемым движением поправила волосы и стала одеваться. Страсть растворилась. Осталась мерзость измены.

Я вдруг оказался в новой реальности, чуждой и непонятной.

Не знаю, сколько я просидел. Экран погас, но я смотрел в него. Придя в себя, я демонтировал оборудование и собрал свои вещи. Все они уместились в два чемодана и пять коробок. Загрузив имущество в машину, я вернулся. Уже в чужой квартире присел к столу – написал: «Я с тобой развожусь», поставил дату и время того, что стало причиной. Придавил записку ключами.

Я не стал устраивать скандал или требовать объяснений не потому, что мне было всё равно. Напротив, нанесённая мне рана была столь глубока, что любое прикосновение к ней грозило тотальным разрушением моей личности.

Мой молчаливый уход был не бегством, а всего лишь мерой самосохранения, спасением собственного достоинства.

Сам факт измены перечеркнул всё общее прошлое и сделал бессмысленным совместное будущее. Каждое слово, сказанное после того, что я увидел, стало бы ложью, а любой исход, кроме расставания, – болезненной агонией. Между нами теперь пролегла бездна, через которую было совершенно бесполезно перекидывать хлипкие мостики объяснений и оправданий.

Мой отъезд был вызван не порывом, это был приговор, вынесенный без права на обжалование.

—

16

Моя жизнь продолжала стремительно катиться под откос. Я понимал: нужно как можно быстрее найти опору, чтобы не наделать глупостей или не свихнуться втихую.

Первоначальный план был заселиться в гостиницу. Но я хотел покоя. И знал единственное место, где смогу его обрести. Я решил – еду домой.

Какой образ всплывает в вашем сознании, когда вы говорите: «Мой дом»?

Наверняка у каждого свой – чаще тот, где человек сейчас живет. Для меня дом всегда ассоциировался не с жилищем, которое мы делили с Эммой, а с домом отца, там, где я провёл своё детство.

Я выскользнул из марева вечерних городских огней, фары прорезали наползающую на шоссе темноту. Первая остановка на заправке с ярким неоном.

Чашка кофе прогнала зябкость ночи. Вокруг тишина и светящиеся фары редких машин.

Дорога была монотонной, как мои мысли, и текла бисером огоньков сквозь темень высоких лесов.

Ещё пара остановок – чтобы не уснуть, и сквозь пелену рассвета проступила стальная дуга моста, переброшенная через холодные воды залива.

На острове уже в разгаре было утро. Дорога сузилась, петляя между полями и фермами. Я снизил скорость созвучно местному ритму жизни. Город моего детства встретил меня уютными улочками и запахом солёного ветра.

Первым делом в полицию – сообщил о месте проживания, как полагается поднадзорному службы. После этого отправился домой.

Отец не стал приставать с расспросами о причине моего неожиданного приезда. Дал постельное бельё и предложил перед сном принять душ. Спросил, когда меня разбудить и что я буду есть на завтрак.

Сон успокоил – и впервые за долгие месяцы принёс отдых.

Отец растолкал меня. Ко мне не сразу вернулось ощущение реальности происходящего. Мы пошли завтракать, хотя время было обедать. Он забронировал столик в «Кладдах» – ресторане его старинного приятеля.

На закуску мы заказали устрицы, и пока их несли, я вывалил на отца всю свою нынешнюю жизнь.

– Отец, у меня проблемы на службе. Последняя командировка оказалась провальной, думаю, что в ходе разбирательства будет установлена моя вина. А ещё я развожусь с Эммой.

Он посерьёзнел и на минуту ушёл в себя. После этого позвал официанта и заказал пару стопок водки.

Мы выпили и помолчали.

– Эмма уходит от тебя из-за проблем на работе?

– Нет, это я ухожу от неё. Она мне изменила. Про мои проблемы она не знает. И тебе я о них не должен был говорить.

Нам принесли дюжину устриц на льду с лимоном и соусами.

– Что ты собираешься делать? – продолжил расспросы отец.

– От меня сейчас мало что зависит. Будет расследование. В худшем случае я пойду под суд. Но это вряд ли. А вот со службы меня, скорее всего, попрут.

– Ты думал о том, что будешь делать после отставки? Ты же знаешь, я всегда мечтал передать свой бизнес тебе.

– Ты торопишь события, отец. Я не был бы так уверен, что меня отпустят в отставку. Даже в случае негативной оценки результатов скорее всего, меня просто задвинут в дальний угол на бумажную работу. И я ещё пару лет не смогу распоряжаться собой по собственной воле. Нужно будет отсидеться, пока эту историю не сдадут в архив.

Отец снова задумался, а затем спросил:

– Как твоё здоровье? Ты плохо выглядишь.

– Не переживай. Просто очень устал.

На горячее мы оба заказали омаров. Водка сделала беседу менее напряжённой.

Затем мы перешли на местные сплетни. Отец рассказал про моих сверстников, с которыми я много лет не поддерживал отношения, объясняя это условиями службы. Они давно уже стали мне чужими. Я не прерывал отца, но в это время думал о своих проблемах.

Закончив обед, мы буквально через дверь переместились в ирландский паб «Старый Дублин». Там за кружкой пива погрузились в личные воспоминания, окончательно согревшие мою душу. За этим теплом я и приехал.

—

17

Мы редко обсуждали с отцом прошлое. Даже прожитое вместе уходило в тень лет молча. Но в тот день я решил раздвинуть крону своего генеалогического древа.

– Отец, расскажи о наших корнях. Кто ты по происхождению?

– Не знаю, чего это ты вдруг начал задавать такие вопросы. Раньше ты семьей не интересовался.

– Видимо старость. Так кто ты? Кем себя ощущаешь?

– Я француз по рождению, эмигрант и сын репатрианта. Твой дед Жан Алдер перед Второй мировой войной приплыл с семьёй из Англии как французский репатриант и поселился в Бордо.

– Но наша фамилия явно не французская.

– Возможно её дали Жану по рождению, ведь он появился на свет в лондонском Сохо. Мне попадались какие-то бумаги, в которых его фамилия была то ли Олье, то ли Ольяр. Путаная история.

– Я так и не понял, кем ты себя ощущаешь.

– В детстве я об этом не задумывался. Для французов мы были англичанами, а в тамошней английской общине нас признавали за французов.

– Что стало с дедом, когда Францию захватили немцы?

– Он был участником сопротивления. Наград не заслужил, но и сотрудничеством с оккупантами честь фамилии не опорочил.

– Жаль я его не знал, он умер до моего рождения. А бабушку помню. Её звали Анна.

– Да. Она русская по происхождению, дочь эмигрантов первой русской волны, французка по рождению.

– Мне один раз довелось расспросить её о деде. Я был ещё ребёнком, поэтому, возможно, путаю. Но она почему-то называла деда Джоном. В общем, истоки моей семейной саги очень запутанные.

– Это точно. Но история твоих родителей надеюсь не столь туманна, – Отец рассмеялся.

– Я, твой отец – Анри Алдер родился в Бордо и был единственным ребёнком Жана и Анны. Ты, наверное, понимаешь, что у мальчика, рождённого в небогатой семье и без связей, мало шансов для успешного будущего. Поэтому я выбрал службу в Иностранном легионе.

– Это я помню. Видел твои фотографии в форме. Но подзабыл, как ты познакомился с мамой.

– Во время выполнения одного из заданий в Алжире. Мы с друзьями забрели в местную кофейню. Там уже сидела группка американских студентов. Среди них была и Дениз – твоя мама. Для неё французский был вторым родным языком. Мы разговорились.

– А как её туда занесло?

– Они на каникулах отправились в Европу, и кто-то их подбил на неделю слетать в Алжир. Тогда там было спокойно.

– Но вы же были совершенно из разных миров! Как вообще мог состояться этот союз?

– Мы любили друг друга. По-настоящему. Поэтому все остальное не имело значения.

– Что ты знал про неё, про её семью?

– Мне это было не важно, а она сама не рассказывала. Я и потом с ними мало общался. Мы с ними чужие люди. А ты мог бы сам восстановить связи, а не меня расспрашивать.

– Я их никого не знаю. И живы ли... Потом, как-нибудь.

Отец скривил губы и развел руками. Но промолчал.

– А что было потом? – продолжил я расспросы.

– Родился твой брат. А когда родился ты, я оставил службу и эмигрировал в Америку. Мы решили обосноваться во франкофонной провинции⁵. Когда я перебрался в Америку, дела быстро пошли в гору. Сейчас моя консалтинговая фирма оперирует на двух континентах. Согласитесь, совсем неплохо для островитянина, – он подмигнул.

Мы выпили и замолчали. Видимо думали об одном.

Накануне моего тринадцатого дня рождения во время рождественских праздников мама погибла в авиакатастрофе.

⁵ Франкофонная провинция – регион, где французский язык является официальным или широко используется.

Я очень остро ощущаю, как это навсегда ранило отцовское сердце.

После смерти Дениз Анри переселился на остров, никогда больше не праздновал Рождество и избегал каких-либо компаний в эти праздничные предновогодние дни.

Следуя нашей давней традиции, в конце года я не беспокою его своим вниманием, но поздравляю с русским Рождеством.

Отец так больше и не женился, а рядом с ним никогда не было постоянной женщины. Не скажу, чтобы это меня раньше сильно расстраивало, но с приближением его старости я стал беспокоиться по поводу его одиночества.

Я плохо помнил маму, поэтому все же решился задать важный для меня вопрос:

– Чем тебя покорила мама?

– Красивая улыбчивая девушка с лёгким характером... Умная и ответственная... У нее был чудесный голос... Она нравилась многим. Но мне больше всех.

Видимо ему пришлось за неё побороться. Но она выбрала отца. Зная его, могу предположить, что её влекла его мужественность, уравновешенность и рассудительность. А ещё женщины чутко улавливают в характере мужчин нацеленность на успех, как у моего отца.

Отец погрустнел. Сделал большой глоток пива. Почти шёпотом пробормотал:

– Мне её очень не хватает.

– Мне тоже, – я положил ему руку на плечо. – Но мне легче. У меня всегда был ты.

После гибели Дениз, отец всё своё свободное время посвятил моему воспитанию и образованию. Наверное, это был его способ справиться с горем потери.

Смерть матери сделала меня замкнутым, и поначалу я дичился этой отцовской опеки. Но по прошествии года или двух наши отношения устоялись, прежде всего вследствие его терпения и настойчивости.

В более зрелом возрасте я уже чувствовал, что сам процесс моего воспитания, а главное – его результат, доставлял ему удовлетворение.

Благодаря отцу я свободно владею тремя языками и ещё двумя на бытовом уровне, обладаю глубокими естественнонаучными знаниями и достаточными для дальнейшего развития в гуманитарных науках.

Кроме того, он дал мне отличную физическую подготовку, обучил единоборствам и стрельбе. Но главное не это.

Главное – он научил меня думать.

– Отец, спасибо тебе за всё, – я крепко сжал его руку в своих.

—

18

Проснувшись поздно утром, я сел завтракать в одиночестве. Отец уже ушёл на работу и не смог составить мне компанию.

Звук на телефоне был выключен со вчерашнего дня, поэтому я обнаружил кучу пропущенного. Сообщения и звонки от Эммы – оставил без ответа. Референт отдела ожидаемо информировала о назначенной через неделю серии встреч. Я подтвердил свою явку. Незнакомые номера проигнорировал.

Прихватив ключи от виллы отца, как мы с ним и условились, я отправился в Акадию, собираясь там разобраться со своими вещами и провести неделю отпуска в полном уединении. Если позволит погода, я рассчитывал на катере отца сходить на рыбалку в залив, а может быть, и выйти в океан.

В районе парка я повернул налево, чтобы проехать мимо своей школы, но, увидев её за парковкой, не испытал никакой ностальгии. Добавил скорости, и уже через четверть часа, свернув за мостом вдоль береговой линии, добрался до «Дедушкиного посёлка».

Загородная резиденция встретила меня промозглой сыростью. Всё, включая воздух, было пропитано солью и меланхолией ранней весны.

Я растопил камин, хлопнул коньячку, и жизнь заиграла новыми красками. Сначала я выгрузил из машины свой нехитрый скарб, а потом долго бродил по комнатам, вспоминая детство. Когда набрёл на книжный шкаф, то залип на старой зачитанной книжке Джона Брэйна «Путь наверх». Я прочёл её в то лето, когда впервые влюбился. В памяти всплыли лица и эпизоды тех лет.

Первые два дня я провёл абсолютно без всякого смысла. Спал, читал, пил, гулял... И так по кругу. Издали видел соседей, они заметили меня тоже, но попыток общения ни они, ни тем более я не проявили.

Я наслаждался одиночеством, а когда был трезв, разбирал семейные артефакты – фотографии, документы, милые вещицы... Попадалось мамино. Я залип на её записной книжке. Ровный женский почерк, бытовые мелочи – голос из другого времени, когда все было просто и понятно.

Давно хотел расспросить знакомого психолога, о чём говорит привычка отца увозить всё памятное на виллу, а не хранить дома. А теперь и я поступаю так же со своими вещами.

Привезенное с собой я перенес в дом. Носимое – в шкаф, документы – в файлы, ненужное сжег на заднем дворе. Памятные вещицы, которые привозил из командировок и называл трофеями, я расставил на полки и стол в своей комнате. Связанное с Эммой сгреб в одну коробку и задвинул в дальний угол.

К вечеру второго дня я заскучал от безделья и начал собираться на рыбалку.

—

19

Я вышел из дома ещё затемно. До причала дошёл, подсвечивая фонарём. Запустил двигатель отцовского катера и отчалил. На море стояло безветрие и легкая зыбь.

Я направил катер на середину залива. Изорванные, как клочки серой бумаги, облака пытались придавить хмурое утреннее небо к воде. Между ними можно было разглядеть остатки звёзд, а на западе – огромную красную Луну, спускающуюся к горизонту. Она отражалась в чернильных водах залива, разбиваясь на миллиарды живых осколков.

Тёмная береговая линия растворилась во влажном предрассветном воздухе, пахнущем океаном. И я пропал между мирами. Только шум двигателя связывал меня с реальностью. Катер словно парил в пространстве безграничной воды.

Я заглушил двигатель. В полной тишине был слышен плеск волн о борт катера и отрывистые крики чаек.

Облака расступились, открывая огромный диск Луны с наплывающей на неё тенью. Ровный край тьмы неумолимо гасил красное сияние. На востоке заискрились первые отблески Солнца, окрашивая горизонт в оранжевые тона.

Заворожённый этим космическим зрелищем, я потерял ощущение времени, которое полностью подчинилось ритму движения небесных тел.

Серп Луны сжимался и тускнел, пока не исчез, полностью растворившись в рассветном небе. Солнце робко появилось над горизонтом.

В тот же миг тень Земли начала сползать с лунного диска, но прежней яркости уже не было. Луна растворялась в первых солнечных лучах, пока не исчезла полностью. Я не успел понять, что произошло раньше, провалилась ли она за горизонт, или Солнце затмило её своим светом.

Не заметно прошли почти четыре часа. Небесный танец лунного затмения наполнил меня оптимизмом предрешённости.

Все события, включая страдания, являются частью predetermined вселенной разумного плана. Принимая неизбежное и понимая его необходимость в общей гармонии мира, мы обретаем свободу от страданий.

И чтобы ни происходило в этом мире, Солнце и Луна будут сменять друг друга на небосводе.

С нами или без нас – этот мир вечен.

Пришла пора вспомнить о цели моей морской прогулки. Я несколько раз закинул спиннинг, но, кроме мелкой скумбрии и одного окуня, ничего не добыл. Хорошего улова в заливе ожидать не стоило. А погода была подходящей для выхода в океан.

Я завёл мотор и направил судно в устье пролива между двумя песчаными отмелями.

Океан встретил меня высокой волной и встречным северным ветром. Лицо сразу же задуло, а сырость проникла под куртку. Преодолев прибой и сориентировавшись по курсу, я решил порыбачить.

Поменяв снасти на троллинг⁶, я подцепил в качестве наживки одну из пойманных скумбрий и малой скоростью двинулся вдоль берега в надежде поймать палтуса. Прошёл час, у меня не было ни одной поклёвки, и я повернул на обратный курс. Уже виднелся вход в залив, когда удилище натянулось.

Меня мгновенно захватил азарт!

Осторожно подтягивая добычу, я подготовил перчатки и крюк с тельфером⁷. Несколько минут борьбы с рыбой, и вот в воде уже показался её силуэт.

Я не поверил своим глазам: в это время голубой тунец крайне редко встречается в Северной Атлантике, он уходит в тёплые воды. Но всё же это был тунец и впечатляющих размеров – около трёх центнеров. Я пожалел, что не спросил у отца, есть ли у него лицензия.

Я подтянул морду рыбы поближе и, заглянув в её глаза, несколько секунд наслаждался триумфом победы. Потом обрезал леску ножом и дал ей свободу. Я не мог подставить отца.

—

20

Перед отъездом я весь день провёл с отцом. С утра было солнечно и тепло. Мы расположились на заднем дворе и развели огонь в барбекю. Компанию нам составил отцовский пёс Черри. С собой взяли овощи, немецкие сосиски и курицу. В качестве выпивки – пиво «Александр Китс».

Я не запомнил всё переговоренное – темы возникали сами и перетекали одна в другую.

Это был самый длинный разговор с отцом за всю мою жизнь. Начал отец с обсуждения моего предстоящего развода. Чувствовалось, что это беспокоит его больше всего.

– Я не спрашиваю тебя о том, что у вас произошло с Эммой, но мне важно понимать, насколько ты уверен в своей оценке того, что ты называешь изменой.

– На все сто... К сожалению.

– Не принимай сказанное мной в качестве совета, сын, но жизнь – сложная штука, и то, что нам кажется важным сегодня, завтра может оказаться абсолютно никчёмным, – отец запнулся, пытаясь переступить через внутренний запрет.

– Мы никогда с тобой не обсуждали смерть твоей мамы. И видит Бог, я хотел бы унести это с собой в могилу.

Увидев, как округлились мои глаза, он добавил с ехидцей:

– Я рассчитываю этак лет через сто... Но, видимо, всё же стоит поговорить об этом сейчас.

Мы сидели в шезлонгах, укрывшись пледами, потягивая пиво из бутылок.

Он сделал большой глоток и продолжил:

⁶ Троллинг – это способ рыбалки с движущейся моторной лодки, при которой приманка буксируется за судном, чтобы привлечь хищную рыбу.

⁷ Тельфер – это электрический подъёмник, позволяющий вытягивать большую рыбу крюком на палубу.

– Перед той трагедией мы собирались расстаться с твоей мамой. У меня тоже были для этого веские причины... Как минимум её работа.

– И чем тебе не угодила её работа? Она, как я помню, летала стюардессой на внутренних линиях?

– Подробностей не будет.

Повисла пауза, а потом отец снова заговорил:

– Я просто хотел сказать, что сейчас я всё бы отдал, чтобы вернуть твою маму, или хотя бы чтобы она была жива. И мне было бы плевать на любые её безрассудства. В нынешнем своём понимании жизненных ценностей я иначе трактую такие понятия, как преданность и измена. Преданность – это не отказ от личной свободы, а готовность поступиться своими интересами ради интересов партнёра, отстаивание его интересов, как своих. А в молодости мы на всё смотрим исключительно через постель.

Отец поставил бутылку, поднялся и пошевелил угли. Вернувшись, он закончил свою мысль:

– Отношения полов – непростая работа. Не знаю, как это устроено у педиков и лесбиянок, но думаю, ещё сложнее. Но вот какую систему в этих отношениях выявил я. В молодости они строятся в основном на сексуальном влечении. В более зрелом возрасте важнее становится единство ценностей. А на излёте жизни – надёжность и взаимное доверие. Может быть, поэтому есть два срока, на которые приходятся пики разводов. Просто люди просыпаются в какое-то утро, а на соседней подушке чужой тебе человек, с кем тебя объединяет только секс.

Я задумался над сказанным, примеряя на себя.

Что нас объединяло с Эммой, кроме секса?

Да, наверное, ничего. Может быть, поэтому так больно было видеть, как рушится то единственное, что служило фундаментом наших отношений.

Уже за столом, под мясо, мы добрались до работы.

Отец начал разговор издали:

– Как-то у меня был в жизни период, когда я пытался разобраться в религии, философии, психологии и всём том, вокруг чего крутится рефлексия человека, вся гамма наших переживаний и чувств. Есть механистический подход, утверждающий, что мы такие же животные, как и они.

Отец погладил Черри, сидевшего рядом.

– И что в основе наших реакций лежит банальная органическая химия. Но всё же мне кажется, что человек, оставаясь животным, много сложнее. Мы можем преодолевать свои инстинкты и рефлексии. Именно это отличает нас от них. Мы можем управлять своей жизнью, а они нет. Я не религиозен, но главное, что вынес из изучения жизнеописаний пророков Иисуса, Мухаммеда, Будды... – человек свободен в своём выборе. Мы никому ничего не должны, кроме самих себя. А себе мы должны только одно – быть счастливыми. Так выпьем за счастье!

Мы чокнулись бутылками, и отец перешёл к моей проблеме:

– Я так думаю, что твоя тёмная полоса на службе скоро закончится. Переживать о произошедшем – самое глупое, что ты сейчас можешь делать. Бессмысленно тратить свои нервы на то, что нельзя изменить. Лучше задумайся о будущем. Что тебе нужно для счастья? Только об этом имеет смысл думать. А делать – только то, что ведёт тебя к счастью.

Наверное, отец был прав, но пока я вряд ли смогу воспользоваться его советом. Приняв присягу, я впереди личного счастья поставил патриотизм – службу своей стране. Однако переживать действительно не имеет смысла.

Делай, что должен, и пусть будет, что будет.

День уже клонился к закату, когда мы перебрались в дом. С нами ушёл со двора и Черри.

Когда отец уходил на работу, пёс всегда предпочитал дому улицу, у него там было много важных дел – облаять проходящих мимо чужаков, поохотиться на мышек, пометить территорию...

Но сейчас он был полноправным участником беседы. Завалившись набок между камином и столом, он пристально наблюдал за нами, пока его не сморило.

Глядя на седую морду Черри, я вспоминал, как щенком-подкидышем он попал к моему отцу. Быстротечность времени не радовала. Возраст отца давно уже перевалил за экватор, и в каждый свой приезд я замечал новые признаки его старения. Сочувствие к этому сильному и самодостаточному человеку впервые жгло моё сердце.

Пытаясь понять истоки этого чувства, я осознал, что переживаю не за него, а за себя. Я как бы смотрел в зеркало и видел своё будущее. Одиночество и старость – невесёлая компания.

– Отец, ты о чём-либо жалеешь в своей жизни?

– Странный вопрос... Сожаление – это самое бессмысленное занятие, которому может предаваться человек. Если меня что-то не устраивало в моей жизни, я это менял. А о своих решениях я никогда не жалел, даже если ошибался. Ведь это были мои решения. Об ошибках нужно не переживать, а исправлять их.

– Но ведь было что-то не зависящее от тебя, из того, что называют обстоятельствами непреодолимой силы.

– Об этом жалеть вообще бессмысленно. О данностях судьбы волноваться могут только люди с нестабильной психикой. Такие плачут даже по героям мыльных опер. А я принимаю жизнь такой, как она есть. Если в этой не повезёт, в следующей будет лучше, – отец широко улыбнулся, обнажив белые ровные зубы.

Уже перед сном я спросил отца:

– Ты не хочешь перебраться ко мне?

– К тебе – это куда?

Мы одновременно рассмеялись.

Рано утром я уехал. Отца будить не стал, оставил ему записку с благодарностью за совместно проведённое время.

—

21

Я поселился в отеле «Брукстрит». Как-то довелось играть на их поле в гольф. Запомнились их бесплатная парковка и хороший ресторан.

Неделя в офисе началась с допросов. Назывались они совещаниями, но выглядело это в лучшем случае как «зашкуривание». Так мой сокурсник по учебному центру службы, называл беседы с инструкторами.

Нынешние совещания проходили в разных составах и в разных комнатах, но всегда была стеклянная стена с односторонней прозрачностью и предупреждение о видеозаписи. Я ощущал себя каким-то подопытным кроликом.

Задавались в основном вопросы про последнюю операцию. Обставлялось это как рутинное заполнение опросника. Но больше походило на психологическую диагностику с целью влезть мне в мозги. Моё мнение по поводу причин провала тоже спрашивали, но складывалось впечатление, что оно никого не интересовало.

Спустя три дня меня отправили на полиграф. Возникает странное чувство – ты знаешь, что это часть протокола, но всё равно ощущаешь недоверие к себе.

Тебя учили обманывать эту машину, но результаты проверки могут послужить основанием для обвинения.

Ты можешь отказаться от его прохождения, но этот факт будет восприниматься как признание вины.

Полиграфолог – ухоженная женщина средних лет с доброжелательным выражением лица – пригласила меня раздеться до пояса, снять обувь и носки. Потом обмотала меня своими холодными резиночками и проводками и начала объяснения.

Я знал весь этот процесс – мы проходили его во время спецкурса. Поэтому я слушал без особого внимания.

Сейчас она должна убрать влияние факторов, не относящихся к провальной операции, чтобы мои личные переживания не исказили результаты исследования. Если в детстве я воровал, писался в постель или, скажем, убил кого-то во время спецоперации – это не должно отразиться на моих реакциях.

Она прошла по очень разным темам – от личных отношений с коллегами до политики. Объяснила, что они не важны, и если я захочу, то могу не отвечать на вопросы, которые их затрагивают.

Пока дама морочила мне мозги, её ассистент – высокий и худосочный молодой человек – возился с приборами, что-то настраивая.

Полиграфическое исследование – своего рода анкетирование: мне задают вопрос, я без задержки должен ответить на него односложно: «да» или «нет».

Вопросы в основном глупые и повторяющиеся, поэтому спустя час мозги плывут, и начинаешь отвечать, не думая. А вот тут и происходит самое интересное.

Внезапный вопрос:

– Вы разводитесь с женой по вашей инициативе?

Это классический приём опытных полиграфологов. Обмануть полиграф несложно, если ты контролируешь эмоции. Особенно, если прошёл спецподготовку. Поэтому полиграфолог должен организовать эмоциональный срыв, и пока подопытный не придёт в себя, есть несколько секунд, чтобы получить неконтролируемые ответы на важные вопросы. Если «пошёл дым» – подопытный посыпался, то нужно набрасывать всё более острые вопросы, и тогда даже опытный человек не сможет скрыть правду.

Секрет успеха полиграфа в двух условиях: хорошая информационная подготовка и продуманный сценарий допроса. Остальное сделает машина.

Я, конечно, ожидал «вброса гранаты», но не такого глубокого проникновения в мою личную жизнь. Только здесь у ребят вышла ошибочка.

Эта тема меня совершенно не возбудила. Когда я принимаю решение, то уже не переживаю о последствиях. А по заброшенному мячу я ударил. Они ведь с меня не слезут, пока не выпотрошат полностью, поэтому лучше уж им помочь. Пусть думают, что зацепили.

Я изобразил скрытый эмоциональный всплеск: сжал зубы, задержал немного дыхание, судорогой затылочных мышц добавил адреналина в кровь. И дама за приборами заглотнула наживку.

Увидев всплески на кривых, она тут же начала насыпать мне вопросы по теме:

– Вы получали деньги от представителей иностранных государств?

– Вы знали о том, что Шахир был завербован ливийцами?

– Вы сообщали кому-либо, кроме резидента, о плане операции до её начала?

Пока мне удавалось сохранять иллюзию эмоциональной возбуждённости, полиграфолог долбила меня в таком же режиме, при этом не отрывая от меня пристального взгляда.

А потом прилетела новая «граната»:

– Вы хотите уйти в отставку?

Ну, это уже было совсем слабенько.

Я отыграл на отлично и без какого-либо пафоса ответил:

– Нет.

А сам изобразил, что соврал.

Тут же последовала новая серия вопросов по существу операции. В ряду других уже были вопросы про Мориса и оперативников. Врать не имело смысла, кто-то из них всё равно раскроется, но я сглаживал, как мог, все острые углы и брал ответственность на себя.

Спустя два часа с лишним мы закончили. Одеваясь, я краем глаза наблюдал за полиграфологами, но опытные сотрудники в моём присутствии не спешили обмениваться впечатлениями.

Но я и так был уверен, что прошёл проверку. В итоге оказался прав, повторного теста не было.

—

22

Я сидел в кабинете начальника Ближневосточного отдела уже полчаса, но разговор на волнующую нас обоих тему так и не начался. Все его вопросы пока были о семье, друзьях, погоде... Я только отвечал. Но вот он начал двигать пальцами левой руки, будто в попытке щёлкнуть ими или перебирая невидимые чётки, – верная примета, что сейчас перейдёт к делу.

– Ты хороший воин, но скоро наши дороги разойдутся, – сказал он. – Ты очень старался, но результат оказался ужасен. Мы потеряли слишком много и не можем не назначить виновного. Поскольку ты вывел из-под удара остальных участников операции, взяв на себя всю ответственность за оперативные решения, то этим виновным быть тебе.

Шеф приоткрыл папку у себя на столе, как бы сверяя сказанное с изложенными в деле фактами. Папка пухлая. Похоже, что кроме протоколов и отчёта о служебном расследовании, там ещё что-то чего мне неизвестно.

– Но не нужно меня считать дураком, я умею читать между строк рапортов. – Шеф поднялся из-за стола и стал не спеша прохаживаться у меня за спиной. – Ты виноват только в одном – не захотел вовремя признать поражение и остановить операцию.

– Но вы же сами прислали оперативников для поддержки!..

– Распоряжение на продолжение операции я не давал, решение принял ты, и оно оказалось ошибочным. Кстати, кто должен был обеспечивать безопасность агента? – он заглянул в папку. – Не отвечай.

Я молчал. Возразить или добавить было нечего. За окном гулял ветер, разгоняя тучи. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь неспешными старческими шагами. Не знаю, о чём думал он, но я постепенно свыкался с неизбежностью моего увольнения из отдела. И мои мысли крутились только вокруг одного вопроса: «Чем я буду зарабатывать на жизнь?»

Шеф остановился и сжал мне плечо:

– Сегодня я приму твою отставку... Но это не всё...

Выдержав паузу, шеф продолжил:

– Когда ты был в этой командировке, мне было поручено представить сотрудника с целью подготовки его для работы в качестве экономического советника правительства в одну из ближневосточных стран. Помня, что по первому образованию ты бакалавр экономики, я направил твои документы.

Эта задача в какой-то момент стала неактуальной, но твоё дополнительное обучение уже оплачено, а первичная легенда сформирована. Тебе не остаётся ничего другого, кроме как потратить деньги налогоплательщиков: получить документы об MBA⁸, пройти ускоренный специализированный курс экономикса⁹, поставить подписи под якобы своими научными трудами и диссертацией...

⁸ MBA (Master of Business Administration) — это международная магистерская степень и программа послевузовского образования, которая готовит руководителей и предпринимателей к управлению бизнесом

⁹ Экономикс – это общественная наука, изучающая, как люди распределяют ограниченные ресурсы для удовлетворения.

Учёную степень получишь после проведения формальной защиты. Да, и не забывай потом в визитках указывать свою докторскую степень. Только не претендуй, пожалуйста, на профессорскую кафедру. Думаю, что ты пока ещё не готов к научной деятельности. Кстати, о твоей будущей работе...

Шеф опять умолк, оставаясь у меня за спиной. Я слышал только его ровное дыхание и молчал, понимая, что последует продолжение. Но мысль уже изменила направление и кружила вокруг услышанного.

Понятное дело, что никакого советника готовить не нужно, всю эту схему он организовал исключительно для того, чтобы подсластить мне пилюлю с отставкой. Но мне вполне хватило бы и выходного пособия, которое в случае провала нашему брату отнюдь не гарантировано.

– Что хочу сказать о твоей службе... Снять резидента в нашем деле – означает поставить автограф на проваленной операции. Поэтому мы не можем уволить Мориса. И тебя мы не увольняем, а переводим в запас по состоянию здоровья. Считай, что ты находишься в действующем резерве. А поскольку такой единицы в нашем отделе нет, ты переходишь в распоряжение Русского отдела. У них есть для тебя работа. Насколько я помню, русский – твой второй иностранный язык?

– Скорее второй родной, – возразил я.

Шеф коротко взглянул на меня поверх очков:

– Теперь понятно, почему ты не попал в Русский отдел сразу.

—

23

Начальник Русского отдела славился своей экстравагантностью. Он мог себе это позволить. Это был самый большой отдел, и он проводил операции практически по всему миру, а не только в России.

Его задачи всегда были в приоритете. В конце прошлого века это ставилось под сомнение. Но отгремели фейерверки миллениума, и всё вернулось на круги своя.

Бюджет ближневосточного отдела находился под жестким контролем и часто урезался. А русскому отделу давали столько, сколько он запрашивал.

С начальником отдела нас познакомили, но весьма давно, и я не ожидал, что он меня помнит. Скорее всего, накануне встречи он просмотрел мое досье. То же самое сделал и я, пользуясь тем, что после окончания служебного расследования мне снова открыли доступ к внутренней информации.

Обычно у руководителей нет псевдонима. Но у начальника Русского отдела он был, и не один, что означало как минимум опыт работы в поле. Это контрастировало с весьма публичным образом жизни, к тому же он был женат на популярной актрисе. Его лохматая причёска и манера одеваться экстрамодно, не по-офисному, больше соответствовала представителю богемы, а не сотруднику нашей организации. Старожилы говорили, что он всегда был таким.

Мой новый начальник назначил брифинг на 9 часов вечера в ресторане «Сигнатуры», расположившемся в здании школы высокой кухни, недалеко от места службы.

Мне предстояло узнать, какие у него виды на мой счёт. Когда я вошёл в холл ресторана, мой будущий шеф заканчивал разговор с седовласым господином рыхлого телосложения, невысокого роста, больше похожим на политика.

Начальник махнул мне рукой и повёл через главный зал к столу в уединённом уголке сомелье у винной стены. Чувствовал он себя здесь весьма уверенно.

У стола мы пожали руки и обменялись комплиментами в связи с возобновлением знакомства. Значит, хотя бы помнил, что мы уже были представлены друг другу.

Шеф предложил мне выбрать место, я сел лицом в сторону зала, что вызвало у него еле заметную улыбку. Он сел спиной. Подошёл официант, мы заказали сразу горячее: он – мрам-

морный тунец в корке чёрного трюфеля, а я – телятину из Альберты в слоёном тесте. Начальник не стал эстетствовать и заказал красное – Каберне Совиньон из долины Хана 2001 года, показав официанту на ячейку в стене с этой бутылкой.

Заметив удивление официанта, он прокомментировал:

– Белое – для девушек, а не под рыбу. Хотя этого вина не было в винной карте, официант не стал уточнять у сомелье относительно нашего выбора, а беззвучно открыл бутылку и положил пробку на блюдце перед шефом. Затем также молча он сцедил на дно его бокала пробу и застыл в ожидании решения.

Шеф и тут обошёлся без пафоса: не стал нюхать пробку, крутить вино по стенкам бокала и, закатывая глаза, делать пробный глоток.

Небрежно махнув рукой, мол, можно разливать, он приступил к беседе. Тем временем официант перелил вино в декантер¹⁰ с широким дном, разлил его по бокалам и на время оставил нас.

– Я слышал, что в Египте у тебя что-то пошло не так, но скажу честно, для нынешней ситуации в мире это эпизод на последнюю страницу. Хотя там и предстоят тектонические сдвиги, но судьбы мира решаются отнюдь не на Ближнем Востоке.

– Вероятно, центр торнадо – в России?

Шеф оценил мою иронию улыбкой.

– Скорее, совсем рядом с нами. Но это не имеет отношения к нашей встрече.

Он о чём-то задумался и, сделав глоток вина, продолжил:

– Не буду заходить издалека. Мне нужен свой человек в России, но не в статусе сотрудника службы, а своего рода неофициальный офицер связи.

Увидев моё молчаливое удивление, он продолжил менее интригуяюще:

– Предстоят большие изменения в отношениях с Россией. Политика будет ужесточена. И чтобы не оказаться в тёмной комнате со сжатыми кулаками, нам предстоит найти способ вести авторизованный диалог с русскими по неофициальным каналам. Тебя переводят в запас, поэтому ты не будешь представлять позицию службы, а только выражать частное мнение.

– Моё или каких-либо иных лиц?

– Хороший вопрос. Но на него не будет однозначного ответа. Ты же можешь основывать своё суждение на информации, полученной от других лиц, не ссылаясь на них?

– Разумеется. Я именно так и буду поступать в оговорённых случаях.

– Мне нравится твоя понятливость. Тебя не смущает такая роль?

– Это важная работа. Главное – не перепутать своё и правильное мнение. Но думаю, что я справлюсь.

В дальнейшем разговоре мы обсудили формальности. Стало понятно и то, почему наша встреча проходила вне стен организации. Я становился экс-сотрудником и больше не мог использовать ресурсы службы. Исключалось взаимодействие и с московской резидентурой.

Я также не мог поддерживать связь с шефом напрямую, а только через куратора, которого ещё не утвердили. Он должен был выйти на меня непосредственно перед отъездом.

Всё это означало, что я стал агентом-призраком, «тенью». Так неофициально у нас называют бывших сотрудников, продолжающих оказывать деликатные услуги службе. Формально независимые от нее, имеющие опыт и связи, они иногда просто незаменимы в нашей работе.

Ещё во время стажировки в марокканской резидентуре я познакомился с одним из них. Тот парень жил в Танжере, но по делам часто гонял через Гибралтар, попутно выполняя курьерские функции для резидента. Не безвозмездно, конечно.

¹⁰ Декантер – это специальный стеклянный графин, используемый для декантации (отделения от осадка) и аэрации (насыщения кислородом) вина, чтобы улучшить его вкус и аромат.

Моя предстоящая деятельность тоже будет оплачиваться, но эти деньги я буду получать не от службы, а как гонорар за консалтинговые услуги нескольким фирмам. Никакой разведывательной информации я передавать не должен, да и не смог бы, поскольку не готов к работе на новой и незнакомой мне территории.

Моя негласная деятельность – поддержание канала связи между начальником Русского отдела нашей службы и его визави в аналогичной российской организации. А официальную и постоянную работу по найму мне ещё предстояло самому подобрать в Москве.

В общем, это почти то же самое, чем я занимался последние десять лет, но пока непонятном мне новом качестве – вроде легализованного нелегала.

— 24

До вылета в Москву нужно было ещё завершить личные дела. Вернувшись от отца, я первым делом встретился с адвокатом по разводам и отправил его к Эмме.

Мой предупредительный звонок не стал для неё сюрпризом, она ждала его уже неделю. Эмма была непривычно тиха, говорила медленно, как бы обдумывая каждое слово. Про причины развода не спрашивала и не изображала невинность.

В какой-то момент Эмму прорвало на рыдания, и она бросила трубку. Перезванивать я не стал, и она тоже не перезвонила.

Потом закрутилось с расследованием в службе, и я даже подзабыл про развод. Напомнил о нём звонок моего адвоката. Он предварительно обсудил условия с адвокатом Эммы и подготовил драфт договора. Требовалось моё согласование.

Перед сном я расположился в кресле своего гостиничного номера. Прочитав договор, я переключился на воспоминания о прожитых с Эммой пяти годах. И тут на меня накатило.

Мы познакомились на выставке Джейсона де Граафа – оказалось, что оба ценители гиперреализма в живописи. Она владела материалом и имела свой взгляд на это течение, что контрастировало с её специальностью финансового аналитика сетевой ритейловой компании. И тут мы тоже оказались близки – первое образование я получил в этой области.

В тот год я уже работал в поле и редко бывал дома. Но мы часто созванивались, а когда я возвращался, то мы много времени проводили вместе. Полагаю, она уже тогда догадывалась, что я в действительности не инженер, но вопросов не задавала и своего отношения к моему образу жизни не выказывала. С ней всегда было легко.

Я пригласил её в свою квартиру, и мы стали снимать её вместе. Эмма не обустроивала общее жилище под себя и не задавала вопросы про наши отношения. Не говорила о детях. Она просто заполняла собой свободное пространство, не вытесняя важное для меня значение.

Я ценил близость с Эммой и создаваемый ею уют. Она сняла с меня всю тяжесть бытовых проблем, даже управление общими финансами. Но я не чувствовал её привязанности ко мне, тем более зависимости. Казалось, что она может исчезнуть из моей жизни так же внезапно, как появилась. Я не хотел её потерять, поэтому сделал Эмме предложение, и она сразу же согласилась.

Сейчас, по прошествии стольких лет в браке, я не могу понять, что нас объединяло. До знакомства наши ритмы жизни и круги общения абсолютно не совпадали. Я вдруг осознал, что совершенно ничего о ней не знаю. Ни жизненных ориентиров, ни привязанностей. Просто после того, как мы стали жить вместе, она всюду была со мной рядом.

В этом не ощущалось безропотности или подчинения, скорее – совпадение интересов. Но ведь не бывает же такого полного совпадения?

А может быть, я просто глупец, и в этом какая-то её хитрость?

Но в чём её смысл?

Эмма всегда была самодостаточной и сильной женщиной. Уверен, что она даже не почувствует каких-либо осложнений после развода. Я не сделал её жизнь лучше, а предстоящий

развод её не обесценит. С такой внешностью и умом у Эммы не будет недостатка мужского внимания, а страстность делает её желанной для любого избранника.

Я вспомнил разговор с отцом. Неужели основой всех наших отношений стал секс? Совпадения в хобби и увлечениях нельзя считать общими жизненными ценностями и целями. А про них мы никогда и не говорили.

Почему?

Я не находил ответа на эти вопросы. Было уже поздно, я устал и очень хотелось спать. Решил, что обо всём этом я подумаю завтра.

Я провалился в беспокойный сон и оказался посреди пустыни. Пытался забраться на вершину дюны, чтобы разглядеть, куда нужно идти, но постоянно сползал по её склону, так и не достигнув цели.

Выбившись из сил и потеряв надежду, я упал на песок. Поднял голову и увидел, что пустыня превратилась в океан с высокими волнами. Пустыня замедляла время, а океан его ускорял. Я лежал на плоту, вцепившись в его края и даже не пытался грести.

Я не знал... куда и зачем?

Вдалеке показался высокий берег. Мой плот несло прямо на него, и я неизбежно должен был разбиться о скалы. В последний миг волна подхватила меня и перенесла через камни.

Я брёл по странному лесу, в котором деревья росли вверх корнями. Впереди меня шла молодая женщина. По походке и волосам я узнал в ней Эмму. Пытался догнать её, чтобы убедиться в этом, но чем быстрее я бежал, тем дальше она уходила от меня.

Я заметил следующую за ней тень и почувствовал в ней угрозу для Эммы. Попытался кричать, чтобы предупредить об опасности, но она меня не услышала. Я потерял её из виду.

Выбравшись из этого страшного леса, я оказался возле красивого дома и зашёл в него. Меня встретили пустые комнаты и сквозняки. В доме никто не жил, и в нём не было уюта. Я захотел уйти из него, спустился вниз по лестнице и у входа увидел траурный портрет. Как я мог его не увидеть, когда входил в дом? Подойдя ближе, увидел, что это портрет Эммы.

В испуге я проснулся посреди ночи.

Утром я позвонил своему адвокату:

– Я хотел бы внести кое-какие изменения в договор.

На той стороне телефонной трубки повисла напряжённая тишина.

– Не волнуйтесь, это только облегчит вашу работу. Всё совместное имущество, а это в основном акции и счета, должно перейти в собственность моей бывшей жены.

—

25

В день вылета я закрыл счёт в отеле и отправил вещи в аэропорт. Шёл нудный мелкий дождь, нагоняя хандру – предвестие долгого утомительного перелёта.

Мой маршрут предполагал стыковочный рейс с двумя пересадками. Встречу с куратором мне назначили в первом пересадочном хабел¹¹. А после я планировал вылететь в Париж.

Отказавшись от прямого рейса в Москву, я избежал десятичасового заточения в кресле. К тому же, хотелось воспользоваться случаем и провести день на родине предков, где я не был с самого детства.

Когда я закончил все дела с отелем, до первого вылета оставалось больше четырёх часов. Свою машину я вчера отогнал на стоянку продавца, а убивать время в ожидании трансфера отеля в аэропорт не хотелось. Я вызвал такси. Но уже садясь в него, решил ехать не в аэропорт, а выпить кофе возле дома, где прожил с Эммой последние два года. Меня влекла туда надежда увидеть её издали.

В наших окнах не было жизни. Вероятно, Эмма уже ушла на работу.

¹¹ Хаб – это крупный аэропорт или транспортный узел для пересадки пассажиров.

Пока я пил кофе, меня не покидало чувство незавершённости в отношениях с Эммой, но я решил больше не думать об этом, чтобы не оставлять ей места в своей новой жизни.

Знакомство с куратором назначили в аэропорту пересадки непосредственно перед моим вылетом в Париж. Так оказалось удобнее обоим.

Он должен прилететь за пару часов до этого и вернуться назад после нашей встречи.

Для контакта я предложил ресторан лаунжа¹² «Плаза Премиум». В моей жизни было много перелётов, в результате мне достались бонусные карты высокого уровня в двух альянсах. Это делает путешествия менее утомительными – меньше ждёшь, комфортнее летишь. Одна из привилегий – доступ в бизнес-залы аэропортов. Это и определило мой выбор. Я сидел у бара, дожидаясь встречи с куратором и гадая о том, кто же им окажется.

Подошло время...

И вдруг я увидел отца. В совпадения такого рода я не верю. Из этого следовало, что отец имеет отношение к службе, и что куратором назначили его. Это вызвало у меня противоречивые чувства. Я ощущал себя обманутым. В тоже время обрадовался тому, что нас с отцом объединяет общее дело. А остыв, я понял, что эти обстоятельства, возможно, сильно облегчат мою миссию.

Я поднялся навстречу отцу:

– Ну здравствуй, куратор! – я наполнил приветствие ехидством.

– Здравствуй, сынок! Поработаем вместе?

Мы обнялись.

¹² Лаунж (или лаунж-зона) – это зона повышенной комфортности для ожидания рейса в аэропорту.

Глава 3

—
26

Самолёт шёл на посадку. Сбрасывая скорость, пилот перевёл турбины на малые обороты, и в салоне стало тише... Громады туч в отблесках заходящего солнца были похожи на горы из розового нефрита. Из-за них выплыла полная Луна и жёлтым колесом покатила по краю сумрачного покрова. Перистые облачка, словно дым сигареты или призрачный НЛО, пролетали совсем рядом, размывая образ луны, превращая её в светлое мерцающее пятно.

Приближался верхний край облачности, он всё чаще облизывал крыло самолёта. Светломолочный цвет туч приобретал стальной оттенок. Вокруг быстро темнело – то ли от внезапного прихода ночи, то ли от пасмурной тени. Крыло срезало ватную вершину, и мы нырнули в крошечную мглу густого тумана.

Пятница, тринадцатое. Московский международный аэропорт Шереметьево. Подходящее время и место для того, чтобы начать писать новую главу своей жизни.

На паспортный контроль тянулся длинный хвост усталых людей. Рутинная и монотонная работа соскребала индивидуальность с лиц девушек, сидевших в стеклянных кабинках. Периодически слышалось, как они ставили въездные штампы в документы прилетевших. Подошла моя очередь. Девушка в окошке внимательно изучала мой паспорт. Долгий взгляд на мою фотографию, потом на меня. Я сопровождал улыбкой неспешное перелистывание страниц.

– Вы впервые в России? – девушка с погонами прапорщика скрупулёзно исследовала мою свежую визу.

– Вроде так, – я пытался шутить.

Девушка не реагировала, сурово глядя в монитор. Поставив штамп, произнесла дежурное:

– Добро пожаловать в Москву!

Пройдя по зелёному коридору таможни, я попал в здание шереметьевского терминала, ничем не отличающегося от сотен подобных в других странах.

Улица встретила меня назойливыми таксистами и вечерней прохладой. Дорога до гостиницы оказалась долгой. Даже в это позднее время был плотный трафик, но всё же обошлось без пробок. Глядя в окно, я пытался уловить какие-то принципиальные отличия от городских пейзажей других стран – и не находил их, за исключением надписей на кириллице. Чем ближе мы подъезжали к центральной части города, тем более яркими становились улицы, появились подсветки ампирических фасадов и цифровые билборды. Широкие магистрали забиты иномарками, заметно более дорогими и новыми, чем в Париже, сравнение с которым было актуально. Первое впечатление от Москвы – богатый и эклектичный город, что в общем-то логично для имперской столицы.

Для своего временного пристанища я выбрал пятизвёздочный отель «Лотте» – на пересечении Нового Арбата и Садового кольца.

В начале службы, во время командировки в Сеул, мне довелось жить в одном из отелей этой сети. Сервис оставил благоприятное впечатление, умноженное в памяти на азиатскую экзотику. Это воспоминание стало той позитивной основой, на которой складывались новые впечатления.

—
27

Утром я ритуально отправился на завтрак в ресторан отеля. Из богатства шведского стола я выбрал воздушный омлет и ароматный кофе. Мой организм ещё не перестроился на другой часовой пояс – есть не хотелось, но кофе помог проснуться.

Из-за моей спины к столу подошёл короткостриженный седовласый господин, чисто выбритый, с лёгким запахом дорогого парфюма.

Широко улыбнувшись, поприветствовал на русском:

– Привет, шпион!

Потом, довольный произведённым эффектом, плюхнулся в кресло напротив. Протянув через стол ладонь, предъявил пароль и представился:

– Я ваш контакт, Крис, со стороны известной вам организации. Меня зовут Константин Андреевич. Будем работать вместе.

Я тогда не знал действительно ли его звали Константином и тем более Андреевичем, как и его фамилию. Но то, что он в своём праве, сомнений не возникло. Дорогой и элегантный костюм с галстуком, часы толщиной в половину моей руки, безукоризненная выправка – всё это не главное.

С давних пор я опознавал коллег по цеху по причёске. Точнее, по тому, как подстрижены волосы над ушами. Люди моей профессии в любой стране палятся на том, что, даже выйдя в отставку, не позволяют волосам пересекать верхний край ушей. Не все, конечно. Например, я этим правилом стал пренебрегать, как только начал работать под прикрытием. Константин Андреевич был подстрижен по уставу, а своими гусарскими замашками больше походил на представителя контрразведки.

Мы дружески потрепались около часа, обсуждая предстоящее сотрудничество. Коллега продиктовал свой телефон, дал мне местную симку для связи и убыл, обещав вернуться. Уже уходя, спросил, нужна ли помощь в организации быта и трудоустройстве. Получив благодарственное «нет», растворился в нарождающемся дне.

В первый день я посетил три хедхантинговые агентства¹³. По легенде, я искал вакансию финансового директора в крупной российской компании, полагаясь на сильное резюме и хороший русский.

Собеседования, как и агентства, были безликими. Минималистский скучный офис, вышколенный ресепшен, переговорная, кофе, рекрутер с набором однотипных вопросов. Встречи проходили на русском, с переходом на английский, когда обсуждались профессиональные темы. Удивила только глубина понимания рекрутерами задач финансового директора. Но впечатление о себе как опытном специалисте в области управления финансами мне удалось создать, и можно было ожидать предложений.

Вечером я купил билет в уличной театральной кассе – архаика, сохранившаяся в Москве наряду с интернет-продажами – и отправился на спектакль.

С трудом досидел первый акт и ушёл ужинать. Всё же моего знания языка пока не хватало воспринимать русскую культуру в её чистом виде.

В таком же ритме пролетел остаток недели. Пару раз созвонился с Константином, по его предложению перешли на ты, несмотря на разницу в возрасте. Передали тестовые сообщения в оба конца.

И я завис в межвременье.

Вначале это радовало – такого отдыха у меня не было со школы. Я наконец-то смог расслабиться и даже совсем перестал пить.

Я исходил переулки и скверы старой Москвы, проводил время в музеях и филармонии. Люди были ко мне дружелюбны. Слыша мой акцент, они старались помочь, даже если куда-то спешили.

А торопятся здесь все и всегда, даже ночью. Как ни банально это звучит, но Москва – неспящий город. Я это отчётливо осознал, когда стоял в пробке на Тверской в два часа ночи!

В одном из разговоров Константин, заметив мою отрешённость, спросил:

¹³ Хедхантинговое агентство – кадровое агентство по подбору топ-менеджеров.

– Ты на работу-то устроился?

И, получив отрицательный ответ, порекомендовал:

– Раз ты пока бездельник, познакомься с себе подобными – буржуями. Легче будет адаптироваться к тяжёлой российской действительности.

По его совету я стал проводить вечера на Патриарших прудах и в Москва-Сити. Это традиционные места тусовок экспатов. Москвичи, флибушечно относясь к названиям мест, чаще называли их Патриками и Сити. Иногда Москва-Сити именовали Сидней, башни или стаканы. Кутузовский проспект – Кутузой, а Новый Арбат – книжки, когда речь шла о нечётной стороне.

—

28

Одной из первых моих московских знакомых стала Нина. Друзья за яркую внешность и горячий темперамент звали её на грузинский манер – Нинó. А между собой иногда называли Нано, намекая на её миниатюрность и фонтан креативных идей.

Я пришёл поужинать в «№13». Заходя в зал, встретился с Нинó взглядом и на мгновение завис, очарованный её красотой. Этого хватило, чтобы неловко столкнуться с ней в проходе. Улыбнулись друг другу, я извинился, мы разошлись. Я сел за стол поближе к её компании и весь вечер смотрел только на Нинó. В её движениях была удивительная чувственная женственность. У меня перехватывало дыхание, когда она поправляла свои тёмные кудри длинными нервными пальчиками. Её застолье подходило к концу, и я, улучив момент, поймал Нинó на выходе и предложил ей выпить кофе.

Она согласилась. По её выбору мы пошли в кофейню, на Малой Бронной, на углу у Патриарших. Далеко за полночь отвез её домой на такси. Взял телефон, а когда прощался, не удержался – почти по-дружески поцеловал её в щёчку. Она ничего не сказала, но её долгий взгляд пронзил меня в сердце. Я позвонил на следующий день – и мы встретились снова.

На третий день знакомства мы проснулись вместе в моём гостиничном номере и расстались только вечером. Нинó, чтобы не идти на работу, сказала больно́й и в каком-то смысле не соврала. Наши встречи стали почти ежедневными, но в дальнейшем спать она предпочитала у себя дома – иногда уезжала от меня в ночи.

Нинó работала в сетевом рекламном агентстве креативным директором и отвечала за привлечение клиентов. Российский бизнес – мужской. Размер груди и милое личико собеседницы часто оказывают благотворное влияние на принятые решения. Но для Нинó это было не главное.

Нинó обладала талантом и жёстким умом. А её трудолюбию мог позавидовать любой. Она, как бульдозер, опускала ковш и гребла, пока не кончится топливо, а у неё оно не заканчивалось никогда. А дополняя это сексуальность делала Нинó оружием массового поражения в рекламном бизнесе.

Команда Нинó продвигала только бренды, и редко бралась за товарную рекламу. Пока конкуренты лепили рекламу «дебиллов о дебилах и для дебиллов», они рождали метафоры. В их работах мобильная связь превращалась из радиосигнала в эмоциональную нить Ариадны. Авиабилет ассоциировался не перемещением из точки А в точку Б, а с магическим перевоплощением. И даже мебель приобретала особое значение – становясь невидимым джином заботы.

Клиенты выстраивались к ним в очередь, вместе с профессиональным признанием. В тот вечер, когда мы познакомились с Нинó, её команда отмечала победу в номинации «За креативную рекламу» международного рекламного конкурса.

А в башнях я познакомился с Лукой. Точнее, он сам познакомился со мной. На самом деле его звали Лукас, но он всем представлялся на русский манер Лукой. Я зашёл в магазин купить ещё десяток рубашек, чтобы не морочиться стиркой каждую неделю.

Он подошёл ко мне улыбаясь и протянул руку. Я на секунду растерялся, в России так не принято знакомиться.

– Привет! Меня зовут Лука. Ты недавно в Москве? Американец? – английский у него был хороший, но с немецким акцентом.

Увидев моё недоумение, сбавил напор:

– Ты извини меня за назойливость. Просто некому нас тут представить друг другу. У меня глаз намётан на экспатов, и я люблю заводить друзей среди новеньких. А работаю я в башне «Федерация», – он назвал компанию и в двух словах объяснил, чем он там занимается.

– Заинтриговал. А с чего ты решил, что я американец и недавно в Москве? – спросил я на русском.

– Вау! У тебя шикарный русский! Но лицо и манеры – американские, – на русском его акцент был мягче. – Тебя выдали руки. Одна в кармане, другой показываешь с открытой ладонью. И лыбишься продавцу, будто он твой старый друг. А одежда – «дюймовая», не нашего пошива.

– Ты забавный! – я улыбнулся, мысленно отдавая должное его наблюдательности.

Этот парень мне определённо нравился. Мы выпили кофе тут же, в кофейне на втором этаже мегамаркета, и через час я уже знал, что Лука живёт в России почти двадцать лет, дважды был женат на русских, а детей у него трое.

– Первая с сыном уехала в Германию, – усмехнулся он. – А вторая и думать об этом не хочет. А я уже давно чувствую себя русским, а происходящее в России понимаю лучше, чем в Европе.

– Никогда не думал вернуться домой?

– А смысл? У меня здесь отличная работа. Как говорят русские: от добра добра не ищут.

– И с прищуром добавил: – Я ведь специально не избавляюсь от акцента. За него мне платят чуть больше, чем моим русским коллегам.

– Кстати о работе. Можешь что-то посоветовать помимо агентств?

– Не обещаю, но спрошу в своей компании.

Лука позвонил на следующий день.

– Крис, я нашёл тебе работу в своей компании. Это временный контракт консультанта, но платят хорошие деньги. А там как пойдёт.

Я поблагодарил и согласился на встречу.

—

29

Лука был партнёром в консалтинговой компании, как он изящно выразился, «из большой десятки, без большой четвёрки». Они специализировались на стратегическом консалтинге в медиа, телеком и ИТ. Формально компания числилась российской, но её зарубежные корни гуглились в один клик.

Лука вел аудит. Встречу с партнёром по слияниям и поглощениям он организовал на раннее утро. Пришлось отвыкать просыпаться без будильника и сменить свободный стиль на костюм.

К назначенному часу я был на входе, откуда меня проводили в переговорную.

С шестидесятого этажа восточной башни открывался панорамный вид на игрушечные Дом правительства и Кремль. У меня перехватило дух от этой картины.

Неслышно зашёл коллега:

– Вот за этот вид с нас и дерут запредельную стоимость аренды. Но мы не жалуемся, а перекладываем её на клиентов.

Мы пожали друг другу руки и представились.

Коллегу звали Алекс – восточные черты лица, говорил резко, напористо и без пауз.

– Давай я тебе расскажу анекдот о том, чем мы тут занимаемся?

– Ну, если у тебя есть время.

– До пятницы я абсолютно свободен, – пошутил Алекс. – Ты знаешь, кто такая Красная Шапочка?

Я кивнул.

– Тогда вот тебе суть бизнеса слияний и поглощений по-русски. Идёт Красная Шапочка по лесу к бабушке, а навстречу ей Серый Волк, который останавливает её со словами: «Ну что, шапка красная, у тебя только два варианта – слияние или поглощение».

– Неожиданная концепция, – улыбнулся я.

– Я это к тому, что сделки, которые мы сопровождаем, редко бывают дружескими. Русский бизнес вообще достаточно жёсткий, но когда речь идёт о перераспределении активов, то он становится экстремально жёстким.

Алекс отхлебнул кофе и, не моргая, уставился на меня. Возникла немая пауза. Я тоже плотнул своего капучино в ожидании продолжения.

– Лука говорил, что ты не из пугливых. Но я должен тебя предупредить, что в нашей стране консультант отвечает за свои советы. Поэтому, входя в проект по продаже актива, тебе прежде всего нужно усвоить и принять правило: меньше говори, больше слушай и никогда не принимай чью-то сторону. Наше мнение по сделке никого не интересует. У продавца и у покупателя полно народа, который разложит им все варианты и посчитает финансовый результат. Наша задача – не учить их, что делать, а провести арбитраж. То есть исключить ошибки и наебало.

– Не понял последнее.

Алекс рассмеялся.

– Русский непере译имый фольклор. Это слово означает умышленный обман, отягощённый цинизмом. Мы не предлагаем решение, мы только подтверждаем объективность доводов сторон. А принимать доводы друг друга или нет – их дело. Это сильно отличается от того, что делают наши коллеги на Западе.

Я кивнул.

– Я предлагаю тебе выступить в роли внешнего независимого арбитра в процессе оценки продаваемой компании.

Речь шла о продаже компании-производителя тематических телевизионных каналов и сериалов.

– Владельцы продают основную часть актива, оставив себе только производство сериалов для одного из эфирных каналов. В дальнейшем они и от этого избавятся. Их сериалы говно, все держится исключительно на дружеских отношениях с программным директором канала.

Из его рассказа я понял, что покупатель не согласен с оценкой, и разрыв составляет около четверти цены. Желание продать и купить сохраняется, но двигаться навстречу никто не хочет. Нужна новая идея, чтобы перезапустить переговоры и придать им новый импульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.